

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Обратная
СИЛА

Том третий 1983-1997

Обратная сила

Александра Маринина

Обратная сила. Том 3. 1983–1997

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маринина А.

Обратная сила. Том 3. 1983–1997 / А. Маринина — «Автор»,
2016 — (Обратная сила)

ISBN 978-5-699-91173-8

Считается, что закон не имеет обратной силы. Да, но только – не закон человеческих отношений. Можно ли заключить в строгие временные рамки родственные чувства, любовь, дружбу, честь, служебный долг? Как определить точку отсчета для этих понятий? Они – вне времени, если речь идет о людях, до конца преданных своему делу. ...вы ужаснетесь невосприимчивости человеческой природы к правде, когда правда ясна и очевидна. Из защитительной речи Н.П. Карабчевского Самонадеянность всегда слепа. Сомнение же – спутник разума. Из защитительной речи Н.П. Карабчевского

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91173-8

© Маринина А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Часть третья	6
Глава 1. 1983 год	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александра Маринина

Обратная сила. Том 3. 1983–1997

© Алексеева М.А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть третья

...вы ужаснетесь невосприимчивости человеческой природы к правде, когда правда ясна и очевидна.

Из защитительной речи Н. П. Карабчевского в судебном процессе по делу Мироновича

Самонадеянность всегда слепа. Сомнение же – спутник разума.

Из защитительной речи Н. П. Карабчевского в судебном процессе по делу братьев Скитских

Глава 1. 1983 год

По борьбе с преступностью новый министр внутренних дел Федорчук нанес несколько сокрушительных ударов. Первый был «пробным»: главный милиционер страны заявил, что никакая научная деятельность, кроме разработок криминалистической техники, в МВД не нужна, а те, кто этой самой наукой занимаются, просто-напросто проедают государственные деньги и просиживают штаны. Сразу же вслед за этим заявлением последовало указание существенно сократить ВНИИ МВД, а также ликвидировать Научный центр в Академии, где работала Вера Леонидовна Потапова. Ликвидировать полностью. Без малого 300 человек – офицеров с высшим образованием и, в большинстве своем, с учеными степенями – надо было где-то трудоустроить, причем именно внутри системы, потому что уволить их было нельзя.

И, как назло, в этот момент на стол министра легла очередная докладная записка с предложением перечня мер, необходимых для повышения эффективности исправления и перевоспитания осужденных, имеющих аномалии психики. Министр не потрудился вникнуть в суть, увидел два знакомых слова – «осужденные» и «психика» – и сердито прервал того сотрудника, который докладывал материал:

– Что за бред! В наших колониях невменяемые наказание не отбывают, и никаких психических заболеваний у осужденных быть не может.

Этого оказалось достаточно, чтобы на следующий день Веру Леонидовну вызвали в ученый совет. Ее диссертация с защиты снималась.

Совершенно растерянная, она позвонила научному руководителю с вопросом: что теперь делать?

– Писать новую диссертацию, – невозмутимо посоветовал маститый профессор. – Материалов у вас более чем достаточно, измените название, уберите из текста все упоминания об аномалиях психики и сделайте акцент на устойчивых индивидуально-личностных особенностях, уйдите в пенитенциарную психологию. За пару месяцев справитесь.

За пару месяцев! Конечно, текст она отредактирует, частично перепишет, но ведь на этом проблемы не заканчиваются. Надо утверждать на ученом совете новую тему, предварительно обсудив ее на кафедре. Надо напечатать новый текст, написать новый автореферат, снова пройти обсуждение на кафедре и мучительную процедуру сбора и подачи нового пакета документов для представления к защите. И все это при том, что она, как и все сотрудники Научного центра, находится «за штатами»: в течение двух месяцев им будут платить зарплату полностью – должностной оклад плюс надбавка за звание и выслугу лет, потом еще два месяца – только за звание и выслугу, и еще два месяца они могут числиться на этой службе уже без всякого денежного содержания. Полгода на то, чтобы найти другую работу в системе МВД. Как разгребать эту кучу проблем – Вера представляла плохо.

Тем временем всех выведенных за штат офицеров стали по очереди приглашать в отдел кадров для решения вопросов их трудоустройства. Начали, разумеется, с начальников отделов и их заместителей: им предлагали места получше. Затем пришел черед ведущих научных сотрудников, после них взялись за «старших» и «просто научных», которые обеспечивались должностями уже по остаточному принципу. Подполковнику Потаповой предложили место начальника инспекции по делам несовершеннолетних в одном из районов Калининской области.

– Вы же работали в отделе предупреждения преступлений, вот и займитесь профилактикой на практике, примените свои научные знания, – ехидно улыбаясь, сказал молоденький кадровик.

– Я могу подумать?

– Конечно, только недолго. Часа два вам хватит?

Он издевался над ней и упивался своей властью так неприкрыто, с такой детской радостью, что Вера даже разозлиться на него не смогла. «Мальчишка, – подумала она, выходя из кабинета и торопливо поднимаясь по лестнице на тот этаж, где располагалась кафедра криминологии. – Ладно, пусть порезвится».

На этой кафедре Вера писала диссертацию и проходила все обсуждения; начальник кафедры – известный ученый, автор учебников и множества монографий – пообещал Потаповой взять ее на должность старшего преподавателя, а сразу после защиты сделать доцентом. Разумеется, если будут вакансии. Вакансия старшего преподавателя должна была со дня на день освободиться: занимавший ее сотрудник оформлял пенсию. Вера была уверена, что начальник кафедры выполнит свое обещание и предупредил кадровиков, что подполковника Потапову нужно направить именно в его подразделение, и сегодняшний разговор с сотрудником отдела кадров ее изрядно озадачил.

– Ничего не получается, Вера Леонидовна, – развел руками начальник кафедры. – Сами знаете, в министерстве идут кадровые перестановки, министр приводит своих людей, прежние сотрудники вынуждены искать места. А они же там все без ученых степеней, так что их ни доцентами, ни профессорами не назначишь. Только старшими преподавателями. Хорошо, если офицер молодой, тогда можно и просто преподавателем. Но в основном все в возрасте... Мне очень жаль. Но мне приказано взять на эту вакансию человека из министерства. Если бы вы были кандидатом наук, у меня были бы аргументы, почему я хочу взять именно вас. А так у меня аргументов нет, у человека из министерства выслуга и опыт работы в МВД намного больше.

«Глупость какая! – сердито твердила себе Вера, возвращаясь в свой, теперь уже бывший, то есть практически не существующий отдел. – В Академии надо своих сотрудников трудоустраивать, а они все вакансии министерскими людьми позанимали. Впрочем, я сама виновата, затянула с диссертацией, надо было сразу, как только перешла в Академию, браться за дело, а не откладывать. Тогда бы все вопросы решались намного проще».

В отделе царило уныние, отдававшее запахом плесени. Получившие новое назначение потихоньку приводили в порядок дела, чистили сейфы, уничтожая ненужное, дописывали статьи, обещанные в сборники и журналы. Те, кто новую должность еще не получил, почитывали газеты, играли в шахматы, разговаривали по телефону, пили чай... Атмосфера царила гнетущая и в то же время нервно-взвинченная. Все знали, что Веру вызвали в кадры, поэтому, как только она переступила порог, все взгляды устремились на нее.

– Ну что? Что сказали?

– Предложили инспекцию по делам несовершеннолетних в Калининской области. И проживание в общежитии, без предоставления квартиры.

Один из сотрудников, в прошлом – начальник Управления внутренних дел одной из областей, с недоверием посмотрел на Потапову.

– Тебе? Да они что, с ума сошли? Ты же была следователем-важняком в Генпрокуратуре!

Вера пожала плечами. Ему легко удивляться: сам-то получил должность заместителя начальника кафедры на спецфакультете, где обучались иностранцы – работники правоохранительных органов из дружественных стран.

– Кого теперь это волнует? У меня нет ученой степени, а нашему Баранову, кандидату наук, тоже подполковнику, вчера предложили пойти работать участковым. Да, кстати, если кто не знает: на все свободные должности в Академии и в нашем ВНИИ идет министерский десант. Так что тем, кто еще не трудоустроен, вряд ли что-то обломится.

Надо сказать, что никто из сотрудников особо не суетился с поиском новой работы. Как-то не укладывалось у людей в голове, что их могут вот так просто взять и выбросить за борт, направив в какую-нибудь дыру на самую низовую должность. Так не может быть! И так не будет. Все как-нибудь разрулится, уладится, в министерстве спохватятся и издадут какой-нибудь «хороший», «правильный» приказ... Ну ведь не может же быть, чтобы неожиданно возникшая ситуация закончилась полным прекращением научной деятельности! Это же абсурд!

Очень велик был соблазн забрать домой книги и бумаги, в Академию не ходить и спокойно работать над переделкой диссертации. Но страшно... А вдруг где-нибудь освободится должность, и вспомнят про Потапову, начнут ее искать, не найдут – и тут же вспомнят про кого-нибудь еще. Надо из кожи вон вылезти, но до истечения этих клятых шести месяцев успеть защититься или хотя бы представить диссертацию к защите, потому что неизвестно, что будет потом, а ученая степень – это хоть какое-то подспорье. И работу, если она вдруг появится, упустить нельзя: два месяца с урезанной зарплатой Вера, конечно, протянет, с голоду не помрет, но за ними последуют два месяца вообще без зарплаты, значит, нужно будет создать хоть какой-то финансовый задел. Никаких других источников дохода у нее не было.

Ах, если бы вопрос стоял только о том, чтобы прокормиться! Перед Верой Леонидовной маячила необходимость куда более существенных трат. Во-первых, свадьба Танюшки и Бориса Орлова, назначенная на начало мая: в феврале дети подали заявление во Дворец бракосочетаний. И во-вторых, как только Танюшка перед самым Новым годом переехала к Орловым, Вера решила наконец сделать ремонт в своей однокомнатной квартире. Привести в порядок стены с длинными некрасивыми трещинами, появившимися от усадки дома, поменять обои, перестелить линолеум на кухне, побелить потолок, положить в ванной новый кафель взамен частично отвалившегося старого. Весь январь она активно готовилась, обдирала старые обои, скалывала плитку, искала и покупала материалы, договаривалась с мастерами. И вот теперь оказалось, что всех этих трат она позволить себе не может.

Квартира стояла разоренная и неуютная, Вера постоянно натыкалась на ведра с краской или белилами, рулоны обоев и пачки с плиткой; мебель сдвинута; ее жилище, еще совсем недавно удобное и любимое, превратилось в сарай, в котором невозможно провести лишнюю минуту. Сперва это не казалось страшным, ведь ненадолго же! Теперь выяснилось, что не просто надолго, а вообще неизвестно на сколько. Вера то и дело подумывала о том, чтобы все-таки разобрать вещи и книги, сваленные на стол в комнате, и заниматься диссертацией дома, но каждый раз пугалась: отсутствие на рабочем месте могло обернуться потерей работы. Господи, всего три года до пенсии, надо как-то устроиться и протянуть, и потом можно будет с чистой совестью сидеть дома и нянчить внуков, которые, Бог даст, к тому времени уже появятся.

Сотрудники давно разошлись, а Вера Леонидовна все сидела за столом, внимательно читая собственный текст и прикидывая: вот этот абзац можно оставить, вот этот надо выбросить, вместо него написать совсем другое, а вот здесь можно ограничиться редактированием... Когда затрещал телефон, она взглянула на часы и удивилась: начало девятого, кто может звонить в отдел в такое время?

В трубке завибрировал перепуганный голос дочери:

– Мама, Александру Ивановичу плохо, я вызвала «Скорую». Борька на сутках, я одна, мне так страшно! Ты можешь приехать?

Вера тут же все бросила, запихнула материалы в ящик стола, заперла помещение отдела и помчалась ловить такси. На той улице, где располагалась Академия, найти «бомбилу» было малореальным, нужно добежать до Ленинградского проспекта, где поток автомобилей намного интенсивнее и шансы уехать куда выше. Саша, Саша... Допрыгался со своим нежеланием лечить сердце. К врачам ходит редко, никакого постоянного наблюдения, курить не бросает. В больницу не уложишь, в санаторий не загонишь. Хорошо хоть не пьет. Только бы ничего серьезного! Только бы не инфаркт!

В восемь вечера центральный вход в Академию закрывали, приходилось пользоваться КПП, выходящим на узенький темный проезд, где парковали машины сотрудники: перед центральным входом разрешалось ставить только служебные автомобили руководства. Едва Вера сошла с крылечка на тротуар, ее окликнули из медленно отъезжающих темно-синих «Жигулей».

– Вера! Потапова! Ты в какую сторону? Подвезти?

Она прищурилась, пытаясь в мартовских сумерках рассмотреть лицо водителя – это оказался давно знакомый сотрудник редакционно-издательского отдела, с которым ей пришлось плотно общаться, пока готовился к печати ее так и не пригодившийся автореферат. Обрадовавшись неожиданной удаче, Вера назвала адрес.

– Садись, – кивнул коллега, – мне примерно туда же, сделаю небольшой крюк.

Машину он купил совсем недавно, от вождения получал колоссальное удовольствие, и Вера Леонидовна знала, что этот человек не только никогда никому не отказывал в просьбах подвезти, но и сам всегда и всем предлагал воспользоваться своими услугами в качестве водителя.

Возле дома, где жили Орловы, Вера оказалась через пятнадцать минут. У подъезда стояла машина «Скорой помощи».

– Это к твоему приятелю? – понимающе спросил коллега.

Вера вздохнула, сердце сжалось от недоброго предчувствия.

– Наверное. Дочка, бедная, перепугана насмерть.

– А если в больницу заберут? В машину могут только одного человека взять, двоих не посадят.

– Значит, я поеду в «Скорой», дочку дома оставляю.

Коллега покачал головой.

– Одну? Она с ума сойдет от тревоги и страха. Вам надо обоим ехать. Вот что: я подожду здесь, не буду уезжать. Если твоего друга заберут, я вас с дочкой хотя бы до больницы довезу. А если обойдется, ты просто выйдешь и скажешь мне, что все в порядке.

– Тебе же домой надо, – засомневалась она. – Мне неловко так тебя припрягать.

– Ерунда, – весело ответил тот. – Я водитель-новичок, мне надо наезд часов обеспечить, так что чем больше я за рулем – тем лучше. А домой я не спешу, жену в санаторий отправил, дети у тещи обретаются. Вот воспользовался ситуацией, на работе сижу подольше, все долги разгребаю, чтобы не стыдно было дела передавать, если нас сокращать начнут.

– Думаешь, начнут? Вы же не научное подразделение, вы кафедры обслуживаете.

– Наверняка начнут. Раз наука не нужна, значит, она и на кафедрах не нужна. Станет меньше монографий, сборников статей, сама понимаешь. Издавать будем только учебники и методички. Короче, беги, если что – я здесь жду.

– Спасибо тебе!

Дверь в квартиру Орловых была притворена, но не заперта. Вера Леонидовна быстро скинула пальто и сапоги, тапочки надевать не стала и прошла в комнату, из которой доносились

голоса. Александр Иванович с закрытыми глазами лежал на кровати, врач – молодой мужчина лет тридцати – считал пульс, девушка-фельд-шер разговаривала по телефону:

– Да... Полных лет – шестьдесят... Нет... Подозрение на инфаркт, ИБС... Ага, поняла, в восемьдесят седьмую. Спасибо.

Значит, все-таки госпитализация...

Татьяна стояла в сторонке, вжавшись в стену, дрожащая и растерянная. Увидев мать, бросилась к ней, обняла и заплакала.

– Ну, тише, тише, солнышко мое, тише, успокойся, – прошептала ей в ухо Вера Леонидовна, поглаживая дочь по голове. – Все живы, все обойдется.

Врач отпустил руку Орлова и повернулся к ней.

– Здравствуйте. Вы жена?

– Нет, я... Мать невестки.

– Близкие родственники есть?

– Только сын, но он на дежурстве до утра.

– Понятно, – кивнул врач. – Нужно в больницу везти. Кто-то из вас поедет?

– Мы обе поедем, – решительно ответила Вера. – Вы не беспокойтесь, мы сами доедем, вы только скажите куда.

– Сегодня в восемьдесят седьмую отправляют, это в Бескудниково. Найдете?

– Найдем. Внизу нас водитель ждет с машиной, мы за вами следом поедем.

Доктор уселся заполнять какие-то бумаги, а Вера с Татьяной стали торопливо собирать сумку со всем необходимым для пребывания в больнице.

– Ты Борьке сообщила? – спросила Вера.

– Не дозвонилась. В кабинете никто трубку не берет, я уж и в дежурку звонила, говорят: на выезде. Я попросила передать, что у отца сердечный приступ, но не знаю... Может, передадут, а может, забудут.

– Ясно. Надо Люсю найти, сказать ей. Все-таки не чужой человек.

– Ну как я ее найду, мам? – с досадой отозвалась девушка. – Она же на даче живет.

– Ничего, я найду, – усмехнулась Вера Леонидовна. – Собирай вещи, я пока позвоню.

В институте, где преподавала Людмила Анатольевна, трубку не сняли, что для девяти вечера было и неудивительно. Вера открыла длинную узкую записную книжку, лежащую в гостиной рядом с телефонным аппаратом, нашла запись: «Андрей и Алла, вахтер». Запись сделана рукой Люсенки, видимо, еще в те времена, когда обе семьи только-только познакомились и начинали тесно общаться. Сама Вера Леонидовна с режиссером Хвyleй и его женой никогда не встречалась, знала их только по рассказам Александра Ивановича и Люсенки. Хорошо бы Андрей оказался в общежитии. Потому что если он сейчас с Люсей, то совершенно непонятно, как их искать. Она, Вера, конечно, заявила дочери, что найдет жену Орлова, но это было сказано больше для того, чтобы успокоить Таню. Сама Вера Леонидовна отнюдь не была уверена в успехе.

Но ей повезло, вахтерша согласилась позвать Хвyleю к телефону, и уже через несколько минут в трубке зазвучал мужской голос. Услышав, что нужно срочно найти Люсю и привезти ее в больницу, Андрей Викторович заверил, что все понял и постарается все устроить. Голос у него при этом был напряженный и недовольный.

«Кажется, я сделала глупость, – подумала Вера, – Андрей дома, значит, дома и его жена. Как он ей объяснит внезапное решение куда-то ехать? Тем более что машины у них нет, и чтобы сейчас быстро добраться до дачи, ему нужно искать кого-то, кто его отвезет, или, опять же, ловить «частника». А какой «частник» в десятом часу вечера согласится пилить за город? Если сказать Алле правду про Орлова, она может вызваться ехать вместе с мужем. Ей-то нормально, а вот Люсе и самому Хвyleе каково придется? Если решит соврать, то наживет кучу проблем, потому что Орлов постоянно общается с Аллой, и она не простит, когда узнает, что его забрали

в больницу, а ей ничего не сказали. Короче, напортила ты, Вера Леонидовна. Как слон в посудной лавке... Но, с другой стороны, нельзя не поставить Люсеньку в известность. А вдруг что? Вдруг самое плохое?»

Фельдшер сбегала вниз, привела водителя, Орлова осторожно вынесли на носилках и загрузили в «Скорую», Вера с дочерью сели в темно-синие «Жигули», стоявшие рядом.

Дорога, волнение, плач Танюшки, оформление больного в приемном покое, бледное бескровное лицо Александра Ивановича – все слилось в единый вязкий поток, в конце которого стояло так пугающее Веру слово «реанимация». О порядках в больницах Вера Потапова была неплохо осведомлена и по-настоящему испугалась, когда врачи не стали отправлять ее домой, а разрешили посидеть в коридоре возле приемного покоя. Значит, медики не исключают «самого плохого» развития событий.

Татьяна уселась рядом, приткнула голову к плечу матери.

– Зря ты поехала со мной, – сказала Вера Леонидовна. – Тебе завтра на работу. Может, вернешься домой, пока автобусы еще ходят и метро не закрылось?

– Метро закрывают в час ночи, я еще посижу, может, какая-то ясность наступит, – пробормотала Таня. – Пусть хоть тетя Люся приедет, тогда я буду спокойна, что ты тут не одна.

Так они и сидели, обнявшись и тихонько переговариваясь, пока не появилась Людмила Анатольевна. Увидев ее, Вера тут же выпроводила дочь, взяв с Татьяны клятвенное обещание дома сразу же выпить горячего чаю и лечь спать. И ни в коем случае не плакать.

– Ты тоже поезжай, Веруня, – устало проговорила Людмила Анатольевна, выслушав отчет о ситуации: по результатам ЭКГ пока нет ясности – то ли приступ стенокардии, то ли все-таки инфаркт. – Что тебе здесь высиживать?

– Ну как я тебя одну оставляю...

– Мне одной легче, поверь. Хочется помолчать, подумать, а если кто-то рядом, то я буду чувствовать, что обязана поговорить с человеком. Он же остался ради меня, значит, я должна соответствовать... Правда, Веруня, поезжай домой.

Вера взглянула на часы: пять минут первого, еще можно успеть на метро, если повезет с автобусом. Ни на каких «частников» в такое время и в этой части города рассчитывать уже не приходится. «В крайнем случае вернусь сюда, побуду с Люсей, если не получится уехать вовремя», – подумала она.

Ей пришлось долго петлять между домами в темноте, то проваливаясь в непролазную грязь, то оскальзываясь на еще не растаявших обледеневших участках. Пару раз она чуть не упала, но удержала равновесие и, в конце концов, добралась до автобусной остановки.

Возле шеста с табличкой топтались двое: девица лет семнадцать-восемнадцать, пританцовывающая в такт какой-то музыке, видимо, звучащей у нее в голове, и мужчина средних лет с зажженной сигаретой. Девушка показалась Вере случайным человеком, а вот мужчина больше походил на местного жителя, хорошо знающего транспортные особенности района.

– Как вы думаете, есть шанс успеть на метро? – обратилась к нему Вера.

Мужчина равнодушно пожал плечами.

– Не в курсе. Я здесь в первый раз. Вот девушка уверяет, что должен пройти еще один автобус. Говорит, что всегда на нем уезжает и успевает до закрытия метро.

Значит, Вера ошиблась, и постоянным пассажиром оказалась именно девушка...

– Я уже почти полчаса жду, – продолжал мужчина, выдохнув дым после очередной затяжки, – так что, наверное, скоро автобус все-таки будет. По теории вероятности.

– Теория вероятности с нашим муниципальным транспортом не срабатывает, – усмехнулась Вера. – То за целый час ни одного автобуса, то три-четыре подряд, чуть ли не колонной идут. Говорят, водители в автопарке чай пьют, в карты играют, а потом дружно встают, рассаживаются по машинам – и в рейс. Не знаю, правда это или нет, но, судя по тому, как ходят автобусы, – очень похоже.

Мужчина сделал несколько шагов в сторону, чтобы бросить окуроч в урну, и Вера невольно улыбнулась: не швырнул на землю, как делает большинство, сознательный, уважает чистоту и чужой труд.

Минут через пять пришел почти совсем пустой автобус, Вера вошла в салон и села у окна. Мужчина садиться не стал, ехал стоя, и теперь она могла при свете как следует рассмотреть его. Приятное лицо, но очень обыкновенное, ничего выдающегося. Недорогая куртка, такие во всех магазинах продаются, мохеровый шарф в красно-синюю клетку. Мужчина перехватил ее взгляд, улыбнулся, подошел и присел рядом.

– Вы явно расстроены, – заметил он, – и столь же явно, что вы впервые уезжаете из этого района в такое позднее время. Позвольте, я угадаю: у вас недавно начался роман, сегодня вы приехали к своему возлюбленному, но что-то не сложилось, вероятно, вы поссорились и решили не оставаться у него на ночь.

– Почему обязательно поссорились? – удивилась Вера.

Ей почему-то было приятно, что она выглядит как женщина, с которой еще можно завести роман. Да, она всегда была красивой и знала об этом, и выглядела моложе своего возраста, но все равно пятьдесят два года не спрячешь под маской двадцати пяти лет. Ей можно было дать сорок семь, ну, сорок пять, но уж никак не меньше.

– Если бы не поссорились, он бы вас проводил, и вы не стояли бы на остановке в такое время в одиночестве. Ну что, я угадал?

– Нет, – рассмеялась Вера. – Совсем не угадали. Но в одном вы, безусловны, правы: ситуация действительно сложилась неожиданно. Провести вечер я планировала совсем не так.

– В нашей жизни вообще много неожиданного. Вы когда-нибудь задумывались над тем, какая тонкая, практически незаметная, невидимая грань отделяет один период нашей жизни от другого? Вот только что наша жизнь была такой, и вдруг происходит некое событие, которое мы даже не осознаем как решающее, и только спустя какое-то время вдруг понимаем, что после него наше существование кардинально поменялось.

«Да уж! – подумала Вера. – Когда-то Андропов не нашел взаимопонимания с Брежневым. В результате я осталась без работы. Как там было в миниатюре кого-то из юмористов? «Болит голова, а укол делают в ягодицу. Подумать только: какая связь?»»

– Согласна, – кивнула она собеседнику. – Причем событие это может происходить даже и не в нашей жизни, а в чьей-то другой.

– Ну, это уже философский вопрос о роли личности в истории. Так высоко я не махаюсь. Я сейчас говорю о самых обыденных вещах. Например, о беременности в результате случайной связи. Или о внезапной тяжелой болезни кого-то из близких.

«Насчет болезни – это точно, – мысленно ответила Вера Леонидовна. – Особенно остро это начинаешь понимать, когда привозишь кого-то в больницу. Еще полчаса назад жизнь была совсем другой, человек строил планы на отпуск или, как я, думал о ремонте и свадьбе дочери, а теперь вынужден думать о возможных похоронах».

Она сама не заметила, как легко втянулась в разговор, который показался ей спасительным. Думать о Саше Орлове было больно, о ремонте – мучительно, о Танюшкиной свадьбе – тревожно, о грядущем безденежье и туманных перспективах трудоустройства – страшно. Опомнилась Вера Леонидовна только в метро, услышав из динамика: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Павелецкая». Оказывается, они с неожиданным спутником проехали половину Кольцевой линии.

Что происходит? Почему она все еще разговаривает с этим незнакомцем? Ему с Верой по пути? Или он ее провожает?

Вера Леонидовна уставилась на мужчину непонимающими глазами. Он только что сказал что-то о Шопенгауэре, а она отвлеклась на свои мысли и прослушала. Да, верно, они говорили о свободе воли, а до этого – о соотношении социального и биологического в поведении человека.

На «Павелецкой» Вере нужно было делать пересадку. Попутчик вышел следом за ней, не прерывая разговора о том, насколько генетическая предрасположенность может повлиять на способность человека выполнять принятые решения. Вера собралась было спросить, до какой станции ему нужно доехать, но внезапно поняла, что не хочет этого знать. «Если ему по пути со мной, то и хорошо. А если выяснится, что он меня провожает, то мне придется как-то отреагировать, дать понять, что мне это нравится или не нравится. Не хочу. Надоели эти игры. Все надоело. Диссертация оскомину набила, меня от нее уже тошнит. Разоренная квартира надоела. От подвешенного состояния на службе – судороги. От мыслей о деньгах – паника. Не хочу. Пусть будет мужчина, который решил поздно ночью проводить меня домой. Умный, интеллигентный, приятный. Пусть. Даже если окажется, что ему всего лишь по пути. По идее я должна его бояться. Мужчина, в ночное время втирающийся в доверие к одинокой женщине, вполне может оказаться грабителем или аферистом. Насильником – маловероятно: одно из преимуществ моего возраста состоит в том, что риск стать жертвой изнасилования многократно уменьшается. А вот риск стать потерпевшей от грабежа, наоборот, возрастает: преступники стараются обычно выбрать жертву, которая не окажет существенного сопротивления. Но даже если так – что у меня возьмешь? В кошельке три рубля. В квартире тоже ничего ценного, разве что стройматериалы, но они грабителей интересуют меньше всего. Им нужны деньги и ювелирка. Этим у меня, пожалуй, не разживешься. Не хочу об этом думать. Не хочу. И не буду. Здесь и сейчас я просто красивая женщина, с которой разговорился симпатичный незнакомец».

Она так ничего и не спросила, просто продолжила обсуждать работы академика Дубинина, на которые опиралась в своей диссертации. Вагон поезда был совершенно пуст, ни одного пассажира, кроме них. Из-за грохота колес приходилось или повышать голос, или разговаривать, сблизив головы. Вагон качало, они то и дело касались друг друга плечами, и во всем этом Вере чудилась некая интимность, которая почему-то раздражала. Она даже поймала себя на том, что начинает сердиться.

Доехав до нужной станции, поднялись на эскалаторе, вышли на улицу.

– Куда теперь? – спросил мужчина.

Значит, все-таки провожает... Ну и славно. И очень кстати: во втором часу ночи Вера не рискнула бы ходить по своему району одна.

– Теперь пешочком минут двадцать, троллейбусы уже не ходят.

Тротуары были скользкими, и Вера ждала, что незнакомец предложит взять его под руку, но он не предложил, просто шел рядом, увлеченный беседой. Внезапно в голову пришла мысль: если этот человек живет не здесь, а в другом районе города, то как он собирается попасть домой? Надеется поймать такси? Но если у него есть лишние деньги, то почему он полчаса мерз в Бескудниково на остановке с риском опоздать на последний поезд метро?

Вера Леонидовна не успела додумать мысль до конца, потому что они подошли к ее подъезду.

– Пригласите? – спросил незнакомец.

И Вера с ужасом и растерянностью вдруг поняла, что именно этого и ждала. И хотела этого. Потому и сердилась, и раздражалась. Не на попутчика этого она сердилась, а на саму себя, на свои странные и такие неуместные побуждения и скрытые желания. Нет, ей не нужен был мужчина, и гормоны тут совершенно ни при чем. Ей не нужен был секс, от которого она изрядно подустала за годы своего последнего романа. Костя был замечательным, но ему нужна была жена, он хотел полноценную семью и детей, а Вера Потапова в роли его супруги себя не видела, да и детей рожать поздно. С Костей они расстались мирно, и сейчас он уже живет с молодой женщиной, которая готова стать его женой и матерью его деток.

И даже душевное тепло – это не то, ради чего она готова впустить в свой дом незнакомца.

Ей нужна ситуация. Обстоятельства. Другая картина мира. Другая сторона жизни. Что-то совсем не похожее на диссертацию, работу, болезни и больницы, безденежье. Ей нужно хотя бы на два часа перестать быть подполковником милиции Верой Леонидовной Потаповой, старшим научным сотрудником, матерью невесты и хозяйкой неотремонтированной квартиры.

– Приглашу, – кивнула она. – Если вы не боитесь разрушенного жилья. Я ремонт затеяла, но пока все застопорилось.

– Мы никого не побеспокоим?

Вера насмешливо посмотрела на него: опомнися! Раньше надо было спрашивать... Ну что ж, если он и вор или грабитель, то ему ясно дали понять, что брать в квартире нечего, кроме ведер с краской и обоев в рулонах.

– Вы ведь и без того уверены, что я живу одна, – ответила она, открывая дверь подъезда. – Между прочим, я даже имени вашего не знаю, а вы – моего.

Он шагнул следом за ней, взял за плечи, развернул к себе и крепко обнял.

– А так даже лучше, – прошептал он Вере в самое ухо. – Познакомиться мы всегда успеем.

«Ну вот, – подумала Вера, – все быстро и просто. Я совсем ничего о нем не знаю: ни как его зовут, ни чем он занимается, ни где живет. В Москве? Или приезжий, которому негде переночевать?»

Пока поднимались в лифте, она прислушивалась к себе, пытаясь уловить признаки возникновения той самой «химической реакции между мужчиной и женщиной», о которой так много написано в книгах. Никакой химии, никакой тяги к нему она не ощущала. Только огромную усталость и оглушительное желание убежать из повседневной серости в яркую картинку.

Она не зажгла свет в прихожей: едва они переступили порог квартиры, Вера оказалась в его объятиях. Она вдыхала чужой запах тела, чувствовала на себе чужие руки, торопливо, но довольно ловко раздевающие ее, слышала чужое дыхание и не переставала удивляться своему безразличию. Она впустила в дом незнакомого мужчину, она позволяет ему себя обнимать и целовать и даже собирается лечь с ним в постель, не зная о нем ровно ничего, кроме того, что он умный и интересный собеседник. Она что, с ума сошла? А если он маньяк, специализирующийся как раз на дамах предпенсионного возраста? Тогда он ее просто убьет. Ну и пусть. Как будет – так и будет. Хорошо, что темно. Света из окон вполне достаточно, чтобы дойти до дивана и ни обо что не споткнуться. Хорошо бы, конечно, принять душ, но тогда придется включать электричество, и все разрушится.

* * *

Серая промозглость рассвета постепенно заполняла комнату, делая предметы хорошо видимыми. «Как фотобумага под действием проявителя», – подумала Вера, лежавшая с открытыми глазами рядом с мужчиной, с которым провела ночь, но имени которого так и не узнала. Мужчина спал крепко, и во сне его худощавое тонкое лицо казалось осунувшимся и недовольным.

Она тихонько вылезла из-под одеяла и направилась в ванную. Долго смотрела на себя в зеркало, пытаясь понять, может ли она все еще быть по-женски привлекательной. Не придя ни к какому решению, встала под душ, намылила шампунем волосы. Хотелось смыть с себя то, что произошло.

Яркой картинки не получилось. Нет, мужской силой незнакомец обделен не был, и в этом смысле все выглядело вполне достойно. Достойно, но очень обыденно. И скучно. Желание в Вере так и не проснулось, но она умело изобразила все, что требуется по сценарию. Она надеялась, что хотя бы сама ситуация отвлечет ее. Ничего не вышло.

Она вытерлась, высушила короткие волосы феном, накинула халат и пошла на кухню варить кофе. «Буду милой, накормлю завтраком и выпрожаю. И никаких «записи телефон».

Даже имя не спрошу, надеюсь, что он и сам не полезет знакомиться. Не надо мне всего этого», – решила Вера Леонидовна.

За время, которое она провела в ванной, в квартире стало заметно светлее: оказалось, что под душем она простояла очень долго. Вере хотелось выпить первую чашку кофе в молчаливом одиночестве, но мужчина, уже одетый, появился на кухне как раз в тот момент, когда шапка пенки стала подниматься над краями джезвы.

– И как тебе моя разруха? – спросила Вера, не оборачиваясь, чтобы не упустить кофе. – Впечатляет? Сейчас скажешь, что если бы знал, не пошел бы?

– Нормально, – откликнулся он. – Я сам не в хоромах живу. Девять метров на троих, общежитие. Между прочим, с добрым утром. И между прочим, меня зовут Андрей.

Вера резко поставила джезvu на деревянную разделочную доску, часть кофе выплеснулась и стала стекать на стол. Руки затряслись, дыхание перехватило.

Андрей. Общежитие. Девять метров на троих.

Теперь все сложилось. Вот почему она, как ни заставляла себя, так и не смогла накануне испугаться: она узнала голос. Она же буквально за три часа до этого разговаривала с ним по телефону. Узнала, но не осознала этого. Просто весь ее мозг настроился на то, что этот человек – знакомый, и потому бояться его не нужно.

Андрей Хвыля привез Люсю в больницу на ее машине. И Люся отправила его домой, точно так же, как отправила и Веру: ей хотелось побыть одной. Поэтому Андрей и оказался на той остановке.

– Что с тобой? – с тревогой спросил он. – Обожглась? Или что-то не так?

Она медленно села за стол, обхватила себя руками.

– Все в порядке.

Помолчала и добавила:

– Меня зовут Вера. Я подруга Люси. Не самая близкая, но очень-очень давняя. Это я тебе звонила вчера в общежитие. Моя дочь собирается замуж за Люсиного сына. Надеюсь, ты понимаешь, что тебе лучше уйти прямо сейчас. Кофе не предлагаю.

Он замер на мгновение, сделал шаг назад, потом буквально рухнул на табурет, стоящий у стены, а не возле стола.

– Не может быть...

Голос его был слегка осипшим то ли он волнения, то ли после сна.

– Может. Если ты боишься, что я расскажу Люсе, то напрасно. Эта история меня не украшает, так что делиться впечатлениями я ни с кем не собираюсь. Господи, – она сжала виски ладонями, – переспать с любовником своей подруги! Трудно вообразить что-нибудь более пошлое. Уходи, Андрей. Будем надеяться, что нам никогда больше не придется столкнуться.

Он попытался улыбнуться, но губы судорожно скривились, отчего тонкие черты его лица приобрели вид некрасиво изломанных линий.

– А если Люся захочет нас познакомить? Как тогда?

– До сих пор не хотела, – сердито ответила Вера. – Хотя от мужа ушла полгода назад. А к тебе пока так и не пришла. И, как я понимаю, теперь уже вряд ли придет.

– Почему? Потому что я сволочь и бабник?

– Нет, не поэтому. Просто потому, что ты сам этого не хочешь. Хотел бы – давно уже объяснился бы с Аллой. А ты продолжаешь с ней жить. Кстати, как тебе удалось не ночевать сегодня дома?

– Я смотрю, ты полностью в курсе наших дел. – Андрей уже почти овладел собой, справился с ударом и даже пытался язвить. – Впрочем, Люся с Сашей рассказывали о тебе, говорили, что ты была следователем, так что ничего удивительного. Я сказал Алле правду. Сашу Орлова увозят в больницу, мне нужно разыскать Люсю и привезти ее туда. Когда вернусь – не знаю, по ситуации.

Вера испытала непонятное облегчение. Она даже смогла распрямить спину и посмотреть в глаза своему случайному любовнику.

– Знаешь, ты не сволочь. И ты не бабник. Ты просто идиот.

– Любопытный вывод. И из чего он следует?

– Я думаю, ты узнаешь это сегодня же вечером. Или даже днем. Твоей жене достаточно позвонить Люсеньке, чтобы узнать, как дела у Саши, и тут же выяснится, что ты ушел из больницы еще до полуночи. И к часу ночи должен был быть дома. Ладно, это не мое дело. Уходи.

Хвыля молча вышел в прихожую. Через минуту хлопнула входная дверь. Вера так и сидела за столом.

«Кофе, наверное, остыл, – равнодушно подумала она. – Надо сварить новый. Одеваться и идти на работу. Не хочу. Не пойду. Нечего мне там делать. Нечего... А диссертация? Нет, придется идти. Каждый день дорог».

Она то и дело посматривала на часы, чтобы не упустить момент, когда можно будет позвонить Танюшке: дочь любила поспать, но зато собиралась быстро, и будильник у нее звенел за двадцать минут до выхода из дома. Этих двадцати минут ей хватало на то, чтобы умыться, одеться и на ходу сжевать бутерброд. После переезда к Орловым Татьяна начала подниматься за час до выхода, чтобы приготовить мужчинам завтрак, но сегодня она одна: Саша в больнице, Борис на дежурстве, раньше одиннадцати утра дома не появится. Значит, девочка будет спать до упора. Конечно, маловероятно, что у Танюшки есть какие-то новости. Если что – Люся позвонила бы в первую очередь Вере, а не своей будущей невестке. Раз ночью звонка от Люси не было, значит, все более или менее.

Она рассчитала правильно: успела поймать Татьяну дома и выяснила, что Людмила Анатольевна только что звонила. У Орлова очаговый инфаркт, сегодня его переведут в отделение кардиологии, в палату интенсивной терапии, куда по идее его должны были положить еще вчера, при поступлении в больницу, но возникли какие-то проблемы технического характера не то с отоплением, не то с электроснабжением, поэтому его поместили в отделение реанимации.

– Объяснили бы все толком сразу, я бы хоть не так испугалась, – со злостью говорила в трубку Таня. – У меня от одного слова «реанимация» обвал сознания начинается, а «интенсивная терапия» все-таки не так страшно, потому что терапия же.

Вера попыталась заступиться за медиков:

– Солнышко, когда по «Скорой» привозят тяжелого больного, врачи в первую очередь думают о том, как спасти его жизнь, а не о чувствах родственников, и это совершенно нормально. Как ты вчера добралась? Без приключений?

Вопрос был с подвохом. Сначала в больницу приехала Люся со своим режиссером, потом, спустя минут десять, оттуда ушла Танюшка. То есть Хвыля должен был оказаться на остановке в любом случае раньше девушки. Так почему же получилось, что Вера застала на остановке Андрея, а Тани там не было? На чем она уехала, если Хвыле пришлось ждать автобус полчаса? Вера Леонидовна, конечно, предполагала, что Таня опять «голосовала», несмотря на постоянные напоминания матери о том, что поздно ночью молодой женщине просто опасно садиться в машину к случайному водителю. Но было любопытно узнать, признается ли дочь.

– Попутку поймала, – ответила Татьяна. – Повезло, что лишний рубль завалился. Но я только до метра, честное слово.

– Бить тебя некому, – вздохнула Вера. – Говоришь тебе, говоришь, предупреждаешь – как об стенку горох. Боря нашелся? Ты ему сказала?

– Да, ему дежурный, оказывается, все-таки передал, что я звонила. Борька сутки «сдаст» и поедет к отцу. А я после работы вечером подъеду.

– Какой смысл ему ехать? Его все равно не пустят ни в реанимацию, ни в интенсивную терапию.

– Он хочет с доктором сам поговорить, – пояснила Таня. – Тете Люсе не верит, и мне тоже. Ты же знаешь Борьку, он изначально убежден, что женщины обязательно что-то напутают или неправильно поймут. Он вечно за мной все перепроверяет. Мамуля, я побежала, а то опоздаю.

Вера положила трубку и скупой улыбнулась. Вот такой он, Борис Орлов... И дело совсем не в том, что он предвзято относится к женщинам, отнюдь. Вера сама много лет была следователем и прекрасно знает по себе, как быстро формируется привычка ничего не воспринимать и ничему не верить «с чужих слов». Есть даже такое понятие в теории доказательств, как «непосредственность восприятия». Следователь должен увидеть и услышать все сам.

Настроение стало получше. Саша жив, и угрозы жизни на данный момент нет, хотя положение серьезное, как передала Татьяна. Вера оделась, тщательно нанесла макияж и вышла из квартиры.

На лестничной клетке, на подоконнике одним пролетом ниже, сидел Андрей. Почему-то ей даже в голову не приходило, что он может не уйти. Когда складывается такая странная и не очень элегантная ситуация, ее участники обычно спешат как можно скорее покинуть место событий и унести ноги подальше. Увидев Веру, Хвыля встал и легко взбежал вверх по ступеням.

– Извини, один вопрос, можно? Я не задержу тебя надолго.

– Давай, – кивнула она недовольно, – только быстро, у меня мало времени.

– Скажи... Вернее, представь, что Люся нас с тобой все-таки знакомит. Ну, допустим, так сложится помимо нашей воли. Как бы ты себя чувствовала? Какие мысли были бы? Какие ощущения?

Вера пожала плечами.

– Станный вопрос... Не знаю. Мне не приходилось бывать в подобных обстоятельствах.

– Что касается меня самого, то про себя могу более или менее точно спрогнозировать, что буду думать и чувствовать, – продолжал он, не замечая, как в глазах Веры Леонидовны загорается недобрый огонек. – А вот женщина... Твоего возраста и статуса... Никак не могу поставить себя на твоё место, не получается.

Как все оказалось просто! Случившееся ночью и утром для режиссера Андрея Хвыли станет материалом для будущего спектакля. Пьесу ему напишет его дружок Рустамов, о котором супруги Орловы много рассказывали. А может быть, Андрей и сам напишет, с него станет. Только вот женскую роль ему трудно прописать. Консультант понадобился.

Она резко отшатнулась и шагнула к лифту. Нажала кнопку вызова и процедила сквозь зубы:

– Если ты посмеешь это сделать, я тебя сгною. Вместе с твоим другом-драматургом. Как говорится, был бы человек, а статья найдется.

– Ты не...

Конец фразы обрубили автоматически сдвинувшиеся створки двери лифта.

* * *

«Умирать не хочется...»

«Пусть эта невыносимая боль в груди уже как-нибудь закончится, все равно как...»

Какая из этих двух мыслей была ярче и интенсивнее, Орлов не мог вспомнить, как ни силился. Они жили в нем одновременно, переплетаясь и перепутываясь, до тех пор, пока под действием препаратов не ушел болевой синдром. Тихий давящий ужас, который охватил Александра Ивановича в момент приступа, сменился вялым раздражением от собственной беспомощности, к которой он не привык. Нельзя вставать. Нельзя сидеть в постели, можно только лежать пластом и не шевелиться. Нельзя курить. Ничего нельзя. Даже в туалет сходить. «Неужели теперь так будет всегда?» – обреченно думал Орлов, лежа на койке сперва в реани-

мации, потом в палате интенсивной терапии. Беспомощность пугала не только тем, что он превратится в обузу для своих близких, но и унижительностью, как ему казалось, самой ситуации: женщины-санитарки подкладывают ему судно. «Лучше бы я умер, – то и дело мелькало у него в голове. – И зачем только меня откачали?»

На третий день врач сказал:

– Если все будет нормально, завтра переведем вас в общую палату, а на сегодня я назначаю вам клизму, нужно очистить кишечник, а тужиться вам нельзя ни в коем случае.

Орлова охватило отчаяние: еще и это! В палате четыре койки, все заняты, кому-то из больных ставили клизму вчера, кому-то позавчера, вот теперь и его очередь подошла пройти эту отвратительную процедуру на глазах у соседей. Впрочем, когда клизму ставили другим, Александру Ивановичу было все равно, потому что надо так надо, и не испытывал никаких эмоций. Он вообще не понимал, как можно реагировать на такое, когда еще гнездится в уголке сознания, теплится недавно пережитый страх смерти, подает голос при каждом вдохе – «А вдруг сейчас опять выскочит из-за угла эта чудовищная нестерпимая боль?» – и трепещет при каждом выдохе: «Слава богу, на этот раз обошлось».

Однако другие – это другие. А вот ему самому происходящее казалось унижительным, он стеснялся и мучился. Но чувства эти были какими-то тусклыми, не острыми. У него не было сил даже на эмоции.

После трех суток в палате интенсивной терапии Александра Ивановича перевели в обычную палату в отделении кардиологии.

– Не меньше трех недель придется полежать у нас, а то и месяц, – строго изрекла лечащий врач – симпатичная и очень серьезная женщина в возрасте «чуть за тридцать». – Потом вас перевезут в кардиологический санаторий.

– А после санатория? – по-детски нетерпеливо спросил Орлов. – Можно будет начинать жить обычной жизнью?

– Ну, это вы поторопились, – скупой улыбнулась кардиолог. – Реабилитация займет около полугода, и только при условии жесткого соблюдения режима. Четыре месяца на больничном пробудете, потом поне-множку можно начинать работать. Никаких нагрузок, ни физических, ни эмоциональных. Волноваться нельзя категорически. А пока – лежать, лежать и еще раз лежать. Даже садиться в постели я вам разрешу не раньше чем на пятый день.

В первый момент ответ врача огорошил Орлова, но уже через минуту Александр Иванович, к собственному удивлению, понял, что испытывает облегчение. Можно никуда не ходить, ни с кем не разговаривать, ничего не делать. Не сидеть в консультации на приеме, не принимать защиту, не выступать в суде, не писать кассационные жалобы на приговоры. Просто лежать и думать.

Думать о своей жизни. О скорой свадьбе Бориса и Танюшки. О будущих внуках. Об Алле и ее сыне.

И о Раевских, семья которых за последние два месяца стала ему знакомой и почти близкой. Остро ощущая собственную беспомощность, Александр Иванович вдруг стал постоянно вспоминать настоящего Сашу Орлова, тяжело раненного, лежащего в лесу, такого же беспомощного и слабого. А если бы Саша выжил? Прошло сорок лет. Сашка мог бы их прожить. Интересно, как сложилась бы его жизнь? Закончил бы юридическое образование и стал адвокатом, как и мечтал? Или занялся бы чем-то другим? На ком женился бы? Каких детей воспитал? Саша Орлов, потомок Гнедичей и Раевских...

Александр Иванович с присущей ему тщательностью изучил все собранные Люсей материалы, прочитал каждый документ по несколько раз, все время вспоминая странную записку, переданную приехавшей из Парижа Анной Коковницыной, и примеряя текст к тому или иному событию в жизни семьи. Кто написал эту записку? Кто ее хранил? И зачем? Каким образом она попала к Коковницыным? Имеет ли она какую-то связь с кольцом, на котором видна моно-

грамма «ГГ»? Как можно было понять из скупых упоминаний в частной переписке середины прошлого века, Григорий Гнедич трагически погиб от рук разбойников, промышлявших на окраинах Москвы. Его младший брат Павел оставил службу в Министерстве иностранных дел, поступил на юридический факультет университета, впоследствии сделав достойную карьеру преподавателя и ученого; никогда не был женат и не имел детей. Младшая сестра Варвара вышла замуж за графа Раевского, утратила право на княжеский титул, зато обрела любящего мужа и вырастила пятерых детей. О трех дочерях Раевских сведений оказалось совсем мало: Людмила Анатольевна интересовалась в основном сыновьями – Николаем, который получил юридическое образование в Императорском училище правоведения, и медиком Игнатием, прямым предком Александра Орлова. Об одной из дочерей Варвары и Владимира Раевских известно, что она решила посвятить себя служению Богу и ушла в монастырь, другая же осталась старой девой и детей не имела, да и прожила недолго. Третья дочь вышла замуж, рано овдовела, вступила в новый брак – и на этом ее следы затерялись, даже фамилия по второму мужу неизвестна.

У старшего сына Варвары и Владимира Раевских, Николая Владимировича, было две дочери: родная, Екатерина, и приемная, Александра Рыбакова. Екатерина в начале двадцатого века уехала во Францию, в Россию больше не возвращалась, и как сложилась ее судьба – неизвестно. Что же касается Александры, то в материалах Люси нашлось несколько выписок из газетных заметок того времени, в которых упоминалась сначала певица Сандра Фишер, «удивительный феномен из России, исполняющая настоящий американский джаз», а впоследствии – благотворительница Александра Фаррел, супруга крупного нефтепромышленника, в девичестве Рыбакова, более известная в Америке как Сандра Фишер. «Миссис Фаррел давно оставила сцену и полностью посвятила свою жизнь мужу Джеральду Фаррелу, сыновьям-близнецам и заботе о больных и страждущих». Наверное, найти потомков Александры и Джеральда Фаррелов труда не составило бы, но раз дочь приемная, значит, это не кровная родня. Вероятно, для Анны Коковницыной этот вопрос был принципиальным.

У Игнатия же Раевского родились два сына: Алекс, ставший юристом, как его дядя Николай Раевский и двоюродный дед Павел Гнедич, и Валерий, пошедший по стопам отца и выбравший медицину. Валерий Игнатьевич отправился вместе с отцом в Латинскую Америку с какой-то медицинской миссией для оказания врачебной помощи местному населению во время страшной эпидемии, заразился сам и умер в чужих краях, не успев завести детей. А вот Александр Игнатьевич остался в России. Его старшая дочь Ольга и есть мать настоящего Сашки Орлова. Младшие же дети, насколько можно было судить из собранных материалов, были во время Первой мировой войны вывезены их матерью не то в Германию, не то в Австрию. Почему Анна Коковница не попыталась найти их потомков? Ведь они точно такие же родственники, как и сын Ольги Раевской-Орловой. Наверняка искала, но почему-то не нашла, ведь гражданке Франции куда проще найти кого-то в Австрии, чем прикладывать гигантские усилия к поиску человека в СССР, а потом еще и поездку организовывать.

И все-таки что это за записка? Может быть, проба пера Екатерины Раевской, о которой известно, что она «баловалась» написанием стихов? Где стихи, там и проза... Зачем было хранить этот листок? Что в нем такого особенно ценного? Помнится, Люсенька говорила, что судебные заседания частенько посещал Федор Михайлович Достоевский, значит, он вполне мог быть знаком с юристами того времени – следователями, прокурорами, судьями и адвокатами. Может быть, и с Раевскими был знаком? И эти несколько строк принадлежат великому писателю?

Орлов чувствовал, что в его умопостроениях зияют огромные дыры и логические неувязки, но у него не было сил продумывать все как следует. Мысли о семье Раевских скользили, словно по поверхности воды, и растворялись в дымке. Александр Иванович весь сосредоточен был на новом для себя ощущении жизни, бытия. Спасибо, что судьба дала ему про-

жить еще один день. Спасибо, что прошла еще одна ночь – и он проснулся, не умер во сне. Как хорошо, что сделан вдох, а боль не появилась. Какое счастье видеть воробья, скачущего за окном по подоконнику. Как приятно, что у него такие славные, такие понимающие соседи по палате: не трогают его, не пристают с вопросами, сами разговаривают вполголоса, стараются не шуметь. Как замечательно, что подойдет время – шестнадцать часов – и в палате появится кто-то из близких: Борька, Люсенька, Танюшка, Веруня Потапова. Может быть, Алла. Может быть, даже с сыном Мишкой, его внуком. Андрей, конечно, приходить в больницу не будет, это понятно, особенно вместе с Аллой. Истинную причину Хвыля своей жене объяснить не может, а встречаться с Орловым, да еще с риском застать у его постели Люсю, он побаивается. Глупый! Если бы он сам прошел через тот ужас, который пережил Александр Иванович, если бы постоял на пороге смерти и посмотрел ей в глаза, то понимал бы, что Орлов сейчас готов всех любить и всех простить.

В шестиместной палате Орлов был единственным «строго лежащим». Одному его соседу, тоже с инфарктом, уже разрешили садиться, у остальных четвертых и заболевания были другие, и режим посвободнее: кому-то можно было передвигаться по палате, кому-то – по всему отделению. Каждое утро после завтрака приходила веселая толстушка – инструктор лечебной физкультуры, наполовину узбечка, полное имя которой – Малика – было давно и прочно переделано в привычное русскому слуху «Лялечка». Александр Иванович с удивлением узнал, что, оказывается, лечебная физкультура может заключаться всего лишь в дыхательных упражнениях и осторожных движениях стопами. В его прежних представлениях слово «физкультура» было связано с активностью, наклонами, махами руками и ногами, прыжками и приседаниями.

Завтрак, утренний обход, физкультура с Лялечкой, обед, посещение родственников, ужин, вечерний обход – больше ничего не происходило. Между этими точками бытие проваливалось в какую-то яму, наполненную полудремой и не додуманными до конца мыслями.

Как и обещала врач, на пятый день Орлову разрешили садиться в постели. Для него это оказалось целым событием, повернувшим мысли в новое русло. «Вот я уже сижу, потом мне разрешат вставать, ходить, потом я вернусь в прежнюю жизнь, которую судьба мне для чего-то сохранила. А коль сохранила, то нужно в ней участвовать. Столько дел предстоит! Борькина свадьба, потом решение жилищного вопроса, размен, переезд... Новая мебель нужна будет... Но это все только в том случае, если Хвыля после получения квартиры уйдет от Аллочки. Если нет, то и разменивать особо нечего, из нашей «трешки» нужно будет выкроить что-то, чтобы и молодых отделить, и Люсеньку обеспечить, и меня куда-то девать. Нет, это все выглядит малореальным. Если только мне самому в коммуналку перебраться, тогда, может быть...»

Время посещения больных здесь соблюдали с необыкновенной и непонятной Орлову строгостью, и в разрешенное время приходить могли в основном те, кто не работает. Работающим приходилось либо отпрашиваться у начальства, либо бежать сломя голову, чтобы успеть повидать того, кто в больнице, хотя бы на 10–15 минут. Борис со своим ненормированным рабочим днем до закрытия отделения никак не успевал, Люся могла приходить только тогда, когда у нее не было занятий на вечернем отделении, Танюшка прибегала на те самые 15 минут, зато Вера Потапова приходила каждый день к 16 часам, как только начинали пускать посетителей.

– У нас теперь режим свободный, можно вообще не ходить на службу, – смеялась она. – Ничего случайного в жизни не бывает, Санечка. Я все думала: почему так сложилось, что нас вывели за штаты, а наш Центр ликвидируют? Кому мы мешали? Теперь стало понятно, что все неспроста: видно, там, на небесах, кто-то знал, что ты окажешься в больнице, и постарался устроить, чтобы было кому к тебе приезжать. Вот скажи мне, кто придумал такое время посещений? Специально, чтобы работающим людям было неудобно, что ли?

Александр Иванович умиленно улыбался, ел очищенный Верой и заботливо разломанный на дольки апельсин и ловил себя на том, что готов расплакаться от благодарности.

– Веруня, мне так неудобно, что ты каждый день тратишь время на эти поездки, – бормотал он, чувствуя спазм в горле.

– Мы с тобой теперь не только старые друзья, но и будущие родственники, – отвечала она. – Сваты. Так что никакого стеснения быть не должно. А мне навещать тебя – в радость, я совсем закисло в своем однообразии. С работой никаких перспектив. Буду усиленно заниматься диссертацией, а там посмотрим. На улицу выкинуть меня не могут, что-нибудь да предложат, пусть даже инспекцию по делам несовершеннолетних в Калининской области, но если мне удастся к тому моменту пройти хотя бы предзащиту, то уже можно будет на что-то рассчитывать.

После перевода из интенсивной терапии в общую палату Орлов ждал Аллу, но она не пришла ни в первый же день, ни во второй. Ему очень хотелось спросить Люсю, знает ли Алла о том, что он в больнице, но Александр Иванович боялся своим вопросом спровоцировать очередную отповедь на тему «молодой любовницы». И все-таки не утерпел и спросил, когда Людмила Анатольевна уже поднялась, чтобы уходить.

– Андрей позавчера получил ордер на квартиру, – ответила Люся. – Так что Аллочка твоя теперь бегает по магазинам в поисках хоть какой-то мебели. Ну, и всего прочего, само собой. Вероятно, ей теперь не до тебя. Не обольщайся, Орлов, старые больные мужики молодым женщинам не нужны.

Он не справился с собой и заплакал. Слышать эти несправедливые слова было больно. Людмила Анатольевна снова опустилась на стул возле койки, взяла его за руку.

– Прости, Саша, – виновато произнесла она, – у меня просто вырвалось... Не знаю, какой бес в меня вселился. Я не имею права говорить такие вещи. Прости меня, пожалуйста.

Конечно, он простил. В своем нынешнем состоянии он прощал всех. Какая разница, кто и что сказал? Главное, чтобы все были счастливы. «Пусть бы я умер, – думал Александр Иванович, – если бы это помогло Аллочке быть счастливой. Пусть заберут мою жизнь, а ей дадут того мужчину, с которым ей будет хорошо. И у Люсеньки пусть все сложится с Андреем. Я был ей плохим мужем, а он будет хорошим. Я так хочу, чтобы у всех было все в порядке!» За сына душа у Орлова не болела: образование получено, с работой все отлично, невеста замечательная. А вот перед дочерью он чувствовал себя виноватым: его, родного отца, не было рядом, когда она родилась, когда росла, когда выросла и стала пробиваться в жизни, когда ухаживала за тяжело больной матерью, когда хоронила ее, когда рожала Мишку, его внука... И даже теперь, когда муж ей изменяет, а она, не зная об этом, бегает по магазинам в поисках вещей, при помощи которых собирается вить гнездо в долгожданной квартире, – даже теперь его нет рядом. А что, если Хвыля в самые ближайшие дни скажет Аллочке, что уходит от нее? И чтобы она пока не покупала новые вещи, потому что квартиру все равно надо разменивать? Для дочери это окажется страшным ударом, а Орлова снова не будет рядом с ней...

Алла появилась в палате как раз в тот день, когда Александру Ивановичу разрешили садиться. Возбужденная, счастливая, она захлеб рассказывала о том, как они с Андреем ездили смотреть квартиру и как она пытается найти хоть какую-то более или менее приличную мебель, но в магазинах ничего нет, на все нужно записываться и месяцами ждать, когда подойдет очередь, но это ничего, они подождут, поспят на надувных матрасах или на раскладушках, в качестве столов можно использовать коробки и доски, а сидеть на полу, и это все такая ерунда, потому что главное – квартира, и она теперь есть! Дочь светилась от воодушевления, а Орлов слушал ее и тихо радовался, что она пришла только сегодня, когда он уже может сидеть, и не видела его беспомощным и раздавленным. Возможно, в словах Люсеньки была правда – никому не нужны старые больные мужики: ни в качестве любовников, ни в качестве отцов, ни в качестве друзей. И вообще, старые больные люди не нужны никому. Он не может позволить себе развалиться на части. Он не имеет права стать обузой для тех, кого любит. Они ведь не бросят его, ни Борька с Танюшей, ни Вера, которая меньше чем через два месяца официально

станет его родственницей, ни Люсенька, ни Алла. Будут тянуть на себе все тяготы, терпеть... Не хочет он для себя такой роли.

– Занимайся квартирой, не надо ко мне ездить, – сказал он Алле. – Не трать время попусту, меня и так каждый день навещают.

Алла пыталась настаивать и обещала приезжать хотя бы раз в три дня, но Александр Иванович проявил твердость. Он ни в коем случае не хотел бы, чтобы дочь столкнулась здесь с Людмилой Анатольевной, которой такая встреча будет, что очевидно, крайне неприятна. Да и Алла, узнав, что Люся ушла от Орлова, стала испытывать к бывшей подруге сильнейшую неприязнь, искренне не понимая, как можно было так поступить с этим чудесным человеком, таким добрым, умным и заботливым. С того дня, когда от Орлова ушла жена, Алла с Люсей ни разу не встречались.

– Ну и везуха тебе, Иваныч, – добродушно проговорил лежащий на соседней койке Толик, сорокалетний таксист, – бабы к тебе ходят – одна другой лучше. То жена, то невестка, то коллега. А это кто была? Подруга, что ли?

При последних словах Толик выразительно подмигнул.

– Именно подруга, – миролюбиво ответил Александр Иванович. – Они с мужем – друзья нашей семьи.

– А муж где? – продолжал допытываться настырный сосед. – Что-то я его тут не видел. Чего он тебя не навещает?

– Он в отъезде, в командировке, – соврал Орлов.

– Был бы я мужем такой красотки, я б ни в какие командировки не ездил, – заявил Толик. – Такую разве можно одну оставлять? Враз ведь уведут, глазом моргнуть не успеешь.

Сосед по палате помолчал немного, о чем-то размышляя и покачивая головой, потом снова заговорил:

– А знаешь, Иваныч, какая из твоих баб мне больше всех нравится? Ни за что не угадаешь! Вот та стриженная, которая каждый день ходит. Хоть завтра женился бы на ней, вот ей-богу.

– Да она старше тебя лет на десять, если не больше, – улыбнулся Орлов.

Толик пожал плечами.

– И какая разница? В самом соку бабешка, фигурка ладная, ножки как конфетки, личико красивое, а то, что старше – так это даже и лучше для семейной жизни. Значит, ума нажила, не будет о глупостях думать.

Толик, дважды разведенный и плативший алименты в общей сложности на троих детей, обожал порассуждать о женщинах и о семейной жизни. Заболевание сердца не только не пригасило, но, напротив, обострило его интерес к любовной стороне мужского бытия. Он был самым разговорчивым обитателем палаты, но его бесконечные шуточки, прибаутки и рассказы никого не раздражали, ибо этот человек излучал на окружающих столько доброты и искреннего дружеского расположения, что сердиться на него было просто невозможно.

Здесь, в больнице, люди сближались быстро и без оглядки на различия в социальном и возрастном статусе. В первые дни после перевода из интенсивной терапии к Орлову относились бережно, понимая, как ему плохо и как он слаб. Но едва Александр Иванович начал приходить в себя и постепенно оживать, как сразу оказался втянутым в общение с сопалатниками и сам не заметил, как уже вместе со всеми обсуждал причины, по которым у одной медсестры рука легкая и уколы получаются не болезненные, а у другой тот же самый укол просто невозможно вытерпеть и на его месте обязательно образуется шишка. Почему у дежурного врача во время вечернего обхода было такое сердитое выражение лица? Неприятности на работе или дома? Говорят, у него сын проблемный, уже несколько приводов в милицию было... Правда ли, что цену на водку могут поднять? Какие шансы у московского «Спартака» в нынешнем сезоне? Через сколько дней после выписки можно начинать вести привычный образ жизни? А

то неделю назад один мужик из соседней палаты выписался, а вчера его снова положили: он с первого же дня после больницы начал курить, как привык, по пачке в день, и по чекушке за ужином окорячивать. Но может быть, дело и не в этом, а в том, что его на работе расстроили, а волноваться-то нельзя...

Дни текли монотонно и однообразно, но все равно текли, и вот спустя четыре недели наступил момент, когда Орлова перевезли в специализированный кардиологический санаторий. Борис собрал в чемодан все необходимое и договорился с фельдшером, сопровождавшим Орлова:

– Я поеду с вами и с вами же вернусь обратно. Хочу посмотреть, где этот санаторий находится, а то потом не найдешь.

Фельдшер проявил понимание. Санаторий находился не очень далеко от Москвы, но в таком месте, куда самостоятельно не доберешься. Нужны как минимум две вещи: машина и хорошее знание маршрута.

Молодой следователь Орлов умел, как оказалось, договариваться не только с симпатичными девушками и фельдшерами. В санатории он, устроив отца в палате и познакомившись с его соседом, немедленно развил бурную активность, совершенно очаровав и покориив весь медицинский и административный персонал женского пола. Итогом этой деятельности оказались несколько ценных для Бориса договоренностей: во-первых, ему дали номер телефона и позволили ежедневно звонить лечащему врачу и задавать вопросы о самочувствии отца; и во-вторых, пообещали ни в коем случае не позволять Александру Ивановичу пользоваться телефонами санатория, чтобы он никуда не звонил во избежание риска получения новостей, которые заставят его волноваться. В каждом корпусе имелся телефон-автомат. Разумеется, ни один из них не работал. Чтобы связаться с кем-то в Москве, приходилось упрашивать персонал разрешить воспользоваться стационарным телефоном, и вот эту возможность Борис Орлов своему отцу постарался перекрыть наглухо.

– Все, что нужно, мы с мамой тебе сами расскажем, – решительно произнес он в ответ на слабую попытку Александра Ивановича возмутиться. – Тебе волноваться нельзя. Как только у мамы будет свободный день, мы приедем вместе, я покажу ей дорогу. Навещать тебя будем часто, заскучать не успеешь. Так что, пожалуйста, пап, я очень тебя прошу, не используй силу своего знаменитого обаяния, чтобы уговорить местных дам нарушить слово, которое они мне дали. Хорошо? Обещаешь?

Орлов, конечно, пообещал, но выполнять обещанное и не собирался, намереваясь все-таки устроить так, чтобы можно было звонить в Москву. Но уже на следующий день вдруг понял, что звонить не хочет. Некому. И незачем. Ни сыну, ни бывшей жене, ни Танюшке, ни Вере он позвонить все равно не может: Борька сразу взбеленится и устроит разборательство с теми, кто пустил отца к телефону. Заведующему юридической консультацией? А для чего? Все равно еще три месяца сидеть на больничном, и что бы на работе ни происходило, сделать Орлов ничего не сможет. Алле? Это сложно, обычно она всегда звонила сама, когда было удобно и под рукой оказывался чей-нибудь телефон. Кому-то из многочисленных знакомых и приятелей звонить тоже необходимости не было: рассказывать о своей болезни не хотелось, а делать вид, что здоров и благополучен, как-то глупо, все ведь знают о его инфаркте. Спросить, как у них дела? Но Александр Иванович внезапно осознал, что ему неинтересно. Ему не нужны чужие дела и чужие проблемы. Его интересует только его семья, его ближний круг. И вообще, ему и без этих телефонных звонков есть о чем подумать.

В санатории жизнь текла так же размеренно, как и в больнице: ежедневный врачебный контроль, лечебная физкультура, таблетки. Но добавились прогулки, сначала по десять минут, потом по двадцать, по полчаса... Весна набиралась сил, наливалась соком, и Орлов, все еще чувствуя скованность и опасение, что боль вернется при любом неверном движении, медленно и осторожно вышагивал по проложенному между деревьев терренкуру, наслаждаясь прозрач-

ной влажностью апрельского воздуха. Борька приезжал в будни, если после суточного дежурства получал «отсыпной» день, или в выходные вместе с Танюшкой, машину одалживал у кого-то из друзей. Пару раз в неделю навещала Люсенька, и тогда они вместе ходили на прогулку и обсуждали подготовку к свадьбе сына. Александр Иванович с удивлением обнаружил в себе сентиментальность, о которой прежде и не подозревал и которая заставляла его вспоминать в присутствии Люси события двадцатилетней давности.

– А помнишь, как мы с тобой после каждой моей удачной защиты ходили в ресторан? – спрашивал он. – Господи, денег совсем мало было, на спиртное не хватило бы, но нас это совершенно не смущало, мы заказывали кофе, пирожные и бутылку газировки, чокались бокалами с водой и чувствовали себя королями жизни. Помнишь?

– Конечно, помню, – улыбалась Людмила Анатольевна. – И помню, как презрительно и негодующе смотрели на нас официантки: заказ-то копеечный, даже если и обсчитает, то максимум копеек на тридцать, для нее это не навар. Официанты любят большие заказы, на которых можно наварить хотя бы трешку, а лучше – пятерку. И я ужасно стеснялась этих их взглядов и откровенного пренебрежения, чувствовала себя воровкой или бродяжкой, пробравшейся в приличное общество. Но потом ты их всех очаровал.

– Ну что ты, – смущался Александр Иванович, – просто они привыкли к нам, запомнили, мы стали вроде как «свои», мы же всегда в один и тот же ресторан ходили.

– Очаровал-очаровал, – смеялась Люсенька. – Против твоего обаяния защиты нет даже у самых прожженных официанток советского общепита.

– А помнишь, – продолжал Орлов, – как мы путались сначала, когда в шестьдесят первом году была денежная реформа? Когда прикидывали, можем ли позволить себе покупку, каждый раз или зарплату забывали разделить на десять, или стоимость покупки умножали на десять, чтобы прикинуть, как это выглядит «на старые деньги», сопоставляли с новой зарплатой и приходили в ужас, потом соображали, где ошиблись, и долго хохотали.

– Ой, я до сих пор забыть не могу, как хотела купить туфли на шпильках, они тогда только-только в моду вошли, и в универмаге возле нашего дома их выбросили, покупатели толпой налетели, а я цену по привычке на десять умножила и ахнула: получилось больше моей зарплаты. Расстроилась ужасно, повернулась и вышла из очереди, чуть не плакала от досады. Уже на улицу вышла и вдруг поняла, что ошиблась от волнения, зарплату-то я уже по-новому посчитала. Побежала назад, в очередь меня теперь не пускают, я говорю, что стояла и просто отходила, а тетки орут, что меня там не видели. В общем, встала в конец, достоялась, а моего размера уже не было. Помнишь, как я рыдала дома от обиды? Так мне хотелось эти модные туфельки!

– Но ты потом их все-таки купила, – заметил Орлов.

– Не их, – возразила Люся, – другие. Те, первые, были золотистые в цветочек, просто волшебные какие-то, а потом удалось достать только белые.

– И мы с Потаповыми пристроили детей к маме Генки Потапова, – подхватил Александр Иванович, – и пошли вчетвером в кино, смотрели сатирические короткометражки с Никулиным, Вициным и Моргуновым, а когда вышли, Генка начал ругаться, что это свинство и что сюжет про пса Барбоса нагло украден у Джека Лондона. Он весь кипел от возмущения, но ситуацию спасли как раз твои белые туфельки на шпильках.

– Точно! – рассмеялась Люся. – Мы поднимались из метро на эскалаторе, и тонкий каблук попал в прорезь. Я так испугалась, что каблук отломится – и конец моим модным туфлям! А Генка нагнулся и как-то очень ловко вытащил, даже кожу на каблуке не ободрал. И после этого про плагиат уже не вспоминал. А помнишь, лет двадцать назад красная и черная икра еще свободно продавались в магазинах и не являлись дефицитом, и мне ужасно хотелось, когда мы звали гостей, украсить стол какими-нибудь тартелетками или хотя бы блинами с икрой, а ты...

– А я ворчал, что это дорого, и уговаривал тебя приготовить более дешевые, но не менее нарядные блюда. И мы с тобой чуть не поссорились однажды из-за цветового решения: ты хотела, чтобы в центре стояло блюдо с «мимозой», а вокруг – разнообразные салаты со свеклой, и получился бы такой цветок с бело-желтой серединкой и малиновыми лепестками. Я кричал, что цветочки – это пошлость и надо ставить мясную и рыбную нарезку. И ты тогда ловко поставила меня на место, сказав, что я непоследователен и что если икра – дорого, то почему я возражаю против салатов с копеечной свеклой. В общем, я тогда устыдился и заткнулся.

Все эти разговоры были Орлову радостны, но одновременно почему-то вызывали чувство стыда. Разве имеет он право предаваться общим приятным воспоминаниям с женщиной, которая ушла от него? Разве допустимо делать вид, что у них все хорошо и они вдвоем перебирают счастливые или смешные моменты своей долгой совместной жизни, если Люсенька назвала его плохим мужем, не живет с ним и любит другого мужчину? «Наверное, я подспудно надеюсь, что она вернется, – грустно думал Александр Иванович. – Поймет, как много хорошего было у нас за эти годы. Поймет, что нельзя просто так взять и выбросить это из своей жизни, из своей памяти, из своего сердца. Но если она вернется, я все равно останусь плохим мужем, потому что не могу быть хорошим. Я не могу быть искренним и честным с ней, и Люся очень скоро поймет, что ничего не изменилось. Захочет ли она снова мириться с этим? Или через короткое время опять уйдет?»

Иногда Орлов набирался храбрости и спрашивал о Хвylie: переехал ли режиссер в новую квартиру, поговорил ли с Аллой. Люся каждый раз сдержанно улыбалась и отвечала одно и то же:

– Никаких разговоров о Хвylie, тебе нельзя волноваться. Считай, что этого человека нет в твоей жизни. Не думай о нем, не вспоминай. Вот поправишься – тогда поговорим.

Людмила Анатольевна выглядела спокойной и ничем не озабоченной, и Орлов никак не мог сделать вывод, что же там происходит на самом деле.

– Я больше нервничаю от неизвестности, – сердился он. – Лучше скажи, как есть.

Но Люся была непреклонна.

– Никаких разговоров о мужчине, которого ты рассматриваешь как своего соперника. Эта тема запрещена для человека, только что перенесшего инфаркт. И, Саша, прости меня за ту вспышку в больнице, я не имела права так себя вести.

Он тут же бросался утешать жену, уверяя ее, что «ничего страшного», и так и не понимая до конца, нужно ли в мыслях называть ее «бывшей» или все-таки просто женой. Они так и не развелись официально, но в этом и не было необходимости. Сын совершеннолетний, имущественных претензий нет, разводиться им придется не в суде, где все долго и непросто, а в ЗАГСе, много времени и сил это не потребует. Как только возникнет нужда – они тут же оформят развод.

Александр Иванович медициной не занимался уже сорок лет, но из того, что успел узнать от отца и из обучения в мединституте, хорошо представлял себе, почему ему нельзя волноваться. В крови появляются бляшки, которые откладываются на стенках сосудов, из-за чего просвет сосудов постепенно сужается. До тех пор, пока это сужение не достигнет критического значения, опасность минимальна. Как только допустимый порог пройден, возникает высокий риск беды: при волнении, переживаниях, стрессах в надпочечниках выделяется адреналин, который ведет к резкому мгновенному сужению сосудов. Если сосуды чистые и здоровые, то ничего плохого не происходит. Если же просвет сосуда уже сужен отложившимися на стенках бляшками, то при выбросе адреналина этот просвет может сократиться настолько, что перестанет пропускать кровь. Участок мышечной ткани сердца, который перестал снабжаться кровью, омертвевает, начинается некроз. Восстановить этот участок, вернуть его к жизни невозможно. При повторном инфаркте омертвевает еще один участок, при третьем – еще один... И на сердечной мышце просто не останется живого места. Тогда наступает смерть. Когда про-

свет сужается полностью, то возникает инфаркт, когда не полностью – стенокардия. Именно от стенокардии Орлов страдал последние несколько лет, знал об этом, но все равно к врачам не ходил и режим не соблюдал.

В один из последних приездов, за два дня до окончания срока пребывания в санатории, Людмила Анатольевна спросила:

– Саня, а те материалы по Раевским, которые ты просил... Ты их прочитал?

– Конечно, и не один раз.

– И как тебе? Какие-то мысли появились? Или ты просто из любопытства хотел посмотреть?

Он не мог объяснить. Не мог сказать правду. Но одним впечатлением все-таки не смог не поделиться:

– Знаешь, я вот читал, читал и думал: вроде они все были хорошими людьми, никому не делали зла, ни о ком плохо не отзывались, не интриговали. И о них самих тоже никто худого слова не написал ни в частной переписке, ни в мемуарах, ни в прессе. Такие достойные люди, неглупые, судя по всему, честные, порядочные... А ни у кого из них жизнь не сложилась ярко, никто следа в истории не оставил. Ведь посмотри, кто из юристов у нас на слуху: Кони, Плевако и Таганцев, больше мы ни о ком и не вспоминаем. Никаких упоминаний в истории права ни о Гнедиче, ни о Раевских. То ли карьеру никто из них не сделал, то ли что... Наверное, чтобы остаться в истории, недостаточно быть честным и порядочным.

– Тут ты прав, – усмехнулась Людмила Анатольевна. – Чтобы остаться в истории, одной честности и порядочности явно недостаточно. Хорошо, если есть яркий талант, как у тех юристов, которых ты назвал. Но чаще всего нужно быть сволочью и интриганом, ну, в самом крайнем случае, авантюристом или уж откровенным идиотом. Ты обратил внимание на упоминания о купце Ерамасове?

– Это тот, с которым был роман у Сандры Рыбаковой?

– Именно тот. Знаешь, сколько денег он много лет давал революционерам? Мы помним только Савву Морозова, а ведь он финансировал революционное движение всего два-три последних года жизни, и не по убеждению в правоте социалистических идей, а просто из разочарования во всех остальных идеях и из любви к актрисе Андреевой, любовнице Горького. А Ерамасов поддерживал революционное движение, потому что верил в него, верил искренне, хотел всеми силами содействовать тому, чтобы труд на производстве из рабского превратился в свободный и продуктивный, и деньги давал больше двадцати лет. Но о Ерамасове все забыли. После победы революции он стал не нужен, более того, он стал идеологически невыгоден, потому что олицетворял собой ситуацию, при которой не все купцы и промышленники – капиталистические гниды. Нашей идеологии достаточно было одного Саввы Морозова, два или больше подобных типажа – это уже перебор. Так вот, Савва был человеком громким, вокруг него и его жены Зинаиды, которую он увел у родного племянника, постоянно возникали скандалы, разговоры, сплетни. Даже смерть Морозова покрыта тайной, принято считать, что он покончил с собой, но есть очень много оснований сомневаться в этом. А Ерамасов – тихий скромный интеллигентный человек, поддерживавший социалистов без шума и пыли. Если тебе интересно, то о его заслугах перед советской властью помнили только сестры Ленина, именно они после смерти Владимира Ильича написали Сталину письмо с просьбой назначить Ерамасову хоть какую-то пенсию, потому что у бывшего купца все отняли и он прозябал в нищете. Больше никто и не почесался. Деньги брали с удовольствием, а поблагодарить – кишка тонка оказалась.

Этот разговор еще долго крутился в голове у Александра Ивановича. В самом деле, ведь хорошие люди... Почему же ни у кого ничего не вышло? Жизнь сложилась ярко только у Сандры, но она все-таки Рыбакова, а не Раевская, она другой крови. Следы всех прочих потерялись, память о них истерлась, как много лет используемый ластик.

Когда настал день отъезда домой, в Москву, Орлов понял, что боится. Семь недель – срок достаточный, чтобы и соскучиться, и отвыкнуть. Александру Ивановичу казалось, что там, дома, начнется какая-то новая, совершенно незнакомая жизнь, которую он не понимает и к которой не готов.

– Ни о чем не волноваться и ни о чем не беспокоиться, – напутствовала Орлова лечащий врач, немолодая женщина, с которой у него отношения сложились вполне добрые, почти приятельские. – Вы человек разумный, держать себя в руках умеете, так что я очень на вас надеюсь.

«Знала бы ты, какая у меня на самом деле жизнь, – мысленно ответил ей Орлов, пожимая на прощание теплую сильную сухую руку, покрытую морщинистой кожей. – При моих обстоятельствах никак невозможно ни о чем не волноваться. Я сам сорок лет назад сделал так, что теперь покоя мне не будет до самой смерти».

* * *

На следующий день после того, как Александра Ивановича увезли на «Скорой» и положили в больницу, Татьяна Потапова впервые в жизни начала ощущать себя настоящей хозяйкой дома. До того, как переехать к Орловым, она с самого рождения жила в однокомнатной квартире, сначала с мамой и папой, потом только с одной мамой, и всегда помнила, что настоящая хозяйка – мама, а она, Танюшка, просто получила разрешение здесь жить и вместе с этим разрешением – обязанность помогать. Все вопросы решала мама, и она же делала все распоряжения. У Орловых Татьяна оказалась единственной женщиной в квартире, но все равно постоянно помнила о том, что хозяин здесь – отец Бориса, а она живет только потому, что ей «разрешили». И ни ее хозяйственность, ни умение готовить, ни тщательно поддерживаемый ею порядок в этой квартире, ни положение будущей жены и невестки ничего не могли изменить в ее мироощущении. Она младшая, а потому бесправная.

Однако наутро после госпитализации Александра Ивановича в сознании Татьяны начали происходить перемены, сперва незаметные, маленькие, казавшиеся ей даже немного смешными. Например, она, едва проснувшись, стала привычно прикидывать, какие из домашних дел выполнить прямо сейчас, а какие оставить на вечер, когда вернется с работы, и вдруг сказала себе: «Когда захочу – тогда и сделаю, все равно Александра Ивановича не будет, и я ему не помешаю. Борька на дежурстве, завтрак можно не готовить, мне самой и чашки кофе хватит, значит, можно еще поспать». Вечером, по дороге с работы, она зашла в магазин за продуктами и, выбирая между мороженым хеком и такой же мороженой треской, вдруг подумала, что раз она не любит рыбу, то можно же ее и не готовить. Рыбу любит Александр Иванович, и для него Татьяна всегда старалась изобрести что-нибудь вкусненькое и небанальное, собирая рецепты у всех подруг и знакомых, а также в журналах и книгах по домоводству. При мысли о том, что на ужин можно просто поджарить свою любимую яичницу с колбасой, которую они с Борькой оба обожают, девушка счастливо улыбнулась.

Через неделю ей пришла в голову идея пригласить гостей. При Александре Ивановиче это казалось ей невозможным, ведь он немолодой и очень занятой человек, молодежная компания нарушит его покой и привычный уклад жизни. Борис идею одобрил, позвали двух близких подруг Татьяны, одну с кавалером, другую с мужем, и двух друзей Бориса с дамами сердца. Впрочем, деление гостей на «Таниных» и «Бориных» было весьма условным и сильно устаревшим, ибо круг друзей давно уже стал у них общим, и одна из одноклассниц Татьяны теперь даже встречалась с товарищем Бориса, оперативником. Таня красиво накрыла на стол, приготовила самые нарядные салатики, какие умела, запекла в духовке купленную ради такого случая на рынке баранью ногу и весь вечер чувствовала себя полноправной хозяйкой дома, принимающей гостей. Когда все разошлись, она отправила Бориса спать и принялась с удовольствием

мыть посуду, повторяя про себя: «Могу и не мыть, оставить на завтра, а могу и сейчас помыть, я сама решаю, когда мне мыть посуду, только сама, ни на кого не оглядываюсь...»

Вот и сегодня, за два дня до возвращения Александра Ивановича из санатория, Татьяна и Борис ждут гостей. Собраться решили в пятницу после работы, посидеть на славу, пообщаться, потанцевать, чтобы в субботу отоспаться, а в воскресенье начать готовиться к приезду Орлова-старшего: сделать генеральную уборку, соорудить праздничный обед и испечь любимый пирог Борькиного отца, искусству изготовления которого Таню еще давным-давно обучила Людмила Анатольевна.

Рядом с проектным институтом, в котором работала Татьяна Потапова, был гастроном с хорошим снабжением, и девушка старалась по возможности покупать продукты именно там, иначе возникал риск остаться без самого необходимого: прилавки в магазинах, расположенных рядом с домом, с каждым месяцем становились все более унылыми, а очереди – все длиннее. Стоя в набитом вагоне метро с тяжеленными сумками, Таня весело улыбалась, представляя, как сейчас придет домой, начнет готовить угощение, накрывать на стол... Ребята соберутся к девяти часам, она как раз все успеет. Да и Борис обещал постараться прийти пораньше, не задерживаться, он ей поможет, если будет нужно.

Борис... Надо же, как бывает! Они знают друг друга с детства, практически с самого рождения. И когда Борька почти четыре года назад высказал свою невероятную идею «сделать вид», никто из них и не предполагал, как все обернется. Они сходили на концерт Элтона Джона, сдали госэкзамены, провели вместе замечательный отпуск в Сочи, потом в течение нескольких месяцев посмотрели все самые интересные спектакли в «Ленкоме» и в Театре на Таганке, а также множество зарубежных кинофильмов, которые никогда не выйдут в прокат на советских экранах. Ничто, как говорится, не предвещало... Или все-таки предвещало, просто они не заметили? Прошло четыре года, и вот уже Татьяна живет у Орловых, а через полторы недели состоится ее свадьба с Борисом.

Таня Потапова никогда не задумывалась о том, любовь ли это, но знала совершенно точно: ни с кем и никогда ей не будет так хорошо, как с Борькой Орловым. Так спокойно, надежно, уютно, как бывает только рядом с человеком, знающим тебя «до доньшка» и принимающим. Девушка хорошо помнила собственные ощущения, которые испытывала, когда влюблялась. Нет, с Борькой не было ничего похожего. Ни нервной дрожи, ни волнений до обморока, ни бессонных ночей. Может быть, как раз об этом говорила всегда ее мама, когда называла Таню рассудительной и трезвомыслящей? Да нет, дело наверняка в другом, ведь Татьяна знала, что на самом деле она человек очень эмоциональный и под влиянием внезапно возникающего порыва может совершить любой поступок, но... Через несколько минут, а иногда и секунд включался разум. Самое главное – удержать себя и не натворить дел именно в эти короткие мгновения, пока буря эмоций еще бушует. Несколько раз споткнувшись о последствия собственной порывистости, Татьяна стала стараться контролировать себя и не выпускать вожжи из рук. Не кидаться в тот же момент что-то сообщать, кому-то помогать, кого-то мирить... Подышать и подумать. Прикинуть, оценить, увидеть последствия. Именно поэтому окружающие, в основной своей массе, считали Таню Потапову холодной и расчетливой, и только самые близкие знали, какова она на самом деле и что происходит в ее сердце и ее голове.

Первой перемену в отношениях Тани и Бориса заметила, конечно же, мама, Вера Леонидовна. Кто же знает Татьяну лучше мамы?! Никто другой ничего заметить и не мог. Людмила Анатольевна, как теперь стало понятно, была увлечена новыми знакомствами и новыми отношениями с режиссером Хвылей, а Александр Иванович, как почти все мужчины, вообще не был особо наблюдательным по части тонких проявлений чувств. Если уж он за три года не понял, что жена влюблена в другого мужика, то куда ему уследить за развитием отношений сына с девушкой. И все-таки жаль, что так получилось с Людмилой Анатольевной! Таня очень любила маминых друзей Орловых, ей казалось, что это так классно, когда жена – олицетворе-

ние дома и очага, прекрасная хозяйка, превосходная кулинарка, гостеприимная, всегда веселая и живая, а муж – эдакий барин, неспешный, вальяжный, снисходительно-добродушный и ужасно умный. Когда прошлой зимой они с Борисом решили пожениться, Таня радовалась тому, что ее жених – сын маминых друзей, замечательных людей, и ее семья станет счастливым исключением из правила, растиражированного не только анекдотами, но и книгами, и кинофильмами, показывающими далеко не самые простые отношения мужа с тещей, жены со свекровью, а также свекрови и тещи между собой. Нет, у нее в семье так не будет никогда! Мама давно дружит с дядей Сашей и тетей Люсей. Даже если придется жить у Орловых, она, Таня, не допустит, чтобы возникла проблема двух хозяек на одной кухне. Да и вообще: разве с такой чудесной, такой милой и доброй тетей Люсей могут возникнуть хоть какие-то проблемы?

А тетя Люся ушла к любовнику... Бросила дядю Сашу. Переждав и «передышав» первый всплеск эмоций, гнавший Таню немедленно ехать в институт, где работала Людмила Анатольевна, найти ее и уговорить вернуться, девушка приняла простое решение: если тетя Люся полюбила другого мужчину, это не делает Борькину маму хуже, ведь ни один человек, по определению, не может стать плохим из-за того, что любит кого-то, поэтому относиться к Людмиле Анатольевне Татьяна будет точно так же, как прежде, а принятое ею решение будет уважать как решение человека немолодого, разумного и сознательного. Татьяна Потапова, конечно, понимала разницу между «влюбился» и «бросил», но вполне трезво рассудила, что бросать жену с маленькими детьми, если влюбился в другую, – да, нехорошо и достойно порицания, а уйти от здорового взрослого мужчины, самостоятельного, имеющего заработок и не обремененного никакими семейными проблемами, совершенно допустимо. Тем более сам этот мужчина, как сказал Борис, тоже завел роман с актрисой Аллой Горлицыной, значит, жену не особо любит и ее уход воспримет спокойно. Борька, конечно, ужасно расстроился, и Таня очень ему сочувствовала. Но уже через пару месяцев все как-то успокоилось и примирилось с новой ситуацией. Рухнул привычный образ жизни и привычный образ родителей как прекрасной пары, только и всего, а в остальном-то – ничего страшного!

По дороге от метро до дома Татьяна зашла в овощной магазин за луком и консервированным горошком – последними недостающими компонентами для запланированных салатов. Все остальные овощи были отварены еще накануне, кроме тех, разумеется, которым полагалось по рецептуре оставаться сырыми.

– Девушка, где вы колбасу брали? – спросила бегущая по улице навстречу запыхавшаяся женщина, жадными глазами впившаяся в торчащий из Таниной сумки батон «Любительской». – В «стекляшке»?

«Стекляшкой» называли небольшой гастроном за углом.

– Нет, это на Смоленской, – ответила Таня.

– Ах, жалко как, – с досадой произнесла женщина, – мне колбаса нужна, я уже все магазины в нашем районе оббегала – нигде ничего.

Татьяна перехватила сумки поудобнее и пошла дальше. В вопросе женщины не было ничего необычного. Почти все, кто занимался домашним хозяйством, на улицах шарили глазами по сумкам прохожих и, как только замечали нужный продукт, спрашивали: «А где вы брали?...» Могли при этом еще спросить, много ли народу и большая ли очередь. Что ж поделать, если в магазинах пустоты на прилавках постепенно заменяют собой поддоны и лотки с жалкими остатками продуктов... Жизнь такая, все выкручиваются, как могут.

Дома она едва успела переодеться и повязать фартук, как появился Борис, тут же кинувшийся помогать. К приходу гостей накрытый стол радовал разнообразием красок и запахов. Яркая блондинка Леночка, одноклассница Тани, та самая, которая теперь встречалась с Борькиным другом, оперативником по имени Стас, предложила посвятить вечер проводам невесты.

– Все, Потапова, – громко и весело заявила подруга, – последние денечки гуляешь! Сыграете свадьбу – и ты впряжешься в быт по полной. Еще сто раз пожалеешь, что замуж вышла!

Все смеялись, было как-то легко и радостно, танцевали под записанные на магнитофон песни в исполнении Тото Кутуньо, Пупо, Рикардо Фольи... Итальянскую эстраду Татьяна любила, особенно нравилась ей песня, которую пел Клаудио Дамиани: «Quando l'amore non s'è più» – «Когда любви больше нет». Итальянского языка Таня не знала, и сначала ей просто очень понравились мелодия и быстрый напористый ритм, но однажды к ним с Борисом в комнату вошел Александр Иванович, услышал песню, которая постоянно звучала с магнитофонной ленты, и с ходу перевел несколько строк: «ты не знаешь, что делать дальше, ты хочешь умереть, но жизнь на этом не заканчивается, у тебя еще будут дни, которые нужно прожить, земля все еще вертится, небо все еще голубое...»

– Вы знаете итальянский? – поразились тогда Татьяна.

– Никогда не изучал этот язык, – рассмеялся Александр Иванович. – Зато я добросовестно зубрил латынь в университете, и этих знаний вполне достаточно, чтобы через два слова на третье понимать итальянский.

Текст песни задел Татьяну за живое, и она попросила Орлова продиктовать ей ту строчку, которая в переводе звучала «жизнь на этом не заканчивается». В правописании Александр Иванович уверен не был, поэтому Таня записала итальянские слова кириллицей: так было легче запомнить. С тех пор фраза «Ma la vita non finisce qui» стала у нее одной из наиболее часто повторяемых, особенно когда возникали неприятности или проблемы.

Именно под эту песню и танцевала собравшаяся молодежь, когда раздался звонок в дверь. Длинный и настойчивый. Стас, целовавшийся на диване с Леночкой, резко вскинул голову:

– Мы кого-то ждем?

– Нет, – удивленно ответила Татьяна. – Пойду посмотрю, кто там. Может быть, мы шумим и соседям мешаем...

Она распахнула дверь, не посмотрев в глазок: а чего ей бояться, когда за спиной полный дом народу, даже следователь и оперативник имеются. На лестничной площадке стояла красивая брюнетка в модном пальто. Алла! Татьяна даже не сразу сообразила, что это она, потому что видела Горлицыну всего пару раз, когда та заходила в гости к Орловым. Вернее, к Орлову, к Александру Ивановичу, потому что встречала ее Таня только после того, как стала жить в этой квартире.

Зачем эта женщина явилась? Что ей нужно, да еще в такое позднее время? Может быть, она думает, что Орлов уже вернулся из санатория, и пришла к нему?

– Александр Иванович приедет в понедельник, – осторожно произнесла Татьяна, надеясь, что гостя сейчас извинится, повернется и уйдет.

Алла стояла неподвижно и смотрела на нее какими-то странными глазами.

– Вы ведь к Александру Ивановичу пришли? – терпеливо повторила Таня. – Его еще нет, он будет только в понедельник.

В прихожую вышел Борис.

– Кто там, Танюха? Соседи?

Увидел Аллу и осекся.

– Алла Михайловна? Проходите, пожалуйста. Папы нет. Что-то случилось? С Мишкой?

Алла сделала пару неуверенных шагов вперед и, оказавшись в квартире, привалилась спиной к стене.

– У вас гости? – проговорила она с непонятной усмешкой. – Веселитесь? А меня муж бросил. Наконец-то он меня бросил. Дождались. Вот и на вашей улице праздник.

И только тут Таня поняла, что актриса изрядно пьяна. Борис подхватил пошатнувшуюся гостью и собрался было увести ее в свою комнату, но Алла неожиданно вырвалась.

– Хочешь меня спрятать, пай-мальчик? А я хочу к людям! Пусти меня, я хочу в компанию, я не могу одна, не могу, не могу...

Она разрыдалась. Из комнаты выглянул Стас.

– Помощь нужна? Что у вас тут?

– Все в порядке, ничего страшного, просто Алла Михайловна немного расстроена. Сейчас она разденется, и мы придем.

Стас с недоверием глянул на рыдающую женщину.

– Если теперь это называется «просто немного расстроена», то хотел бы я посмотреть, как выглядит «убита горем», – хмыкнул он. – Давайте, мы вас ждем, там у Ленусика очередной тост созрел.

Алла перестала плакать, прошла в ванную, привела лицо в порядок и в сопровождении Бориса появилась в комнате. Татьяна настороженно смотрела на эту женщину, из-за которой в семье Орловых столько проблем: Боря предупредил, что о романе своего мужа с Людмилой Анатольевной она ничего не знает, для нее, как и для многих других, тетя Люся ушла от мужа ради любви к неизвестному мужчине.

– Друзья мои, – торжественно начал Борис, – позвольте представить вам нового гостя: актрису Аллу Михайловну Горлицыну.

– Ой, вы вправду актриса? – воскликнула Леночка. – А в каких фильмах вы снимались?

– Ни в каких, – с вызовом ответила Алла. – Я служу в театре. В кино не снимаюсь.

– А-а-а, – с разочарованием протянула Леночка. – Тогда понятно...

– Что тебе понятно, малышка? – презрительно усмехнулась Алла. – Ты думаешь, что если актер не снимается в кино, то это не актер, а фуфло?

– Так нас же учили, что из всех искусств для нас важнейшим является кино, – весело отпарировал Стас. – Это Ленин сказал, между прочим. И во всех кинотеатрах на плакатах вот такими аршинными буквами написано, чтобы мы не забывали. А про театр Ленин ни слова не говорил. Значит, кино важнее и нужнее.

Алла молча кивнула и показала пальцем на бутылку с коньяком.

– Налейте даме, – потребовала она.

Борис пододвинул ей стул.

– Алла Михайловна, садитесь.

– Ничего, я выпью стоя, а потом отвечу этому прелестному юноше.

Но Борис почти насильно усадил ее за стол, Таня тут же поставила перед Аллой чистую тарелку, положила приборы. Горлицына выпила коньяк залпом и широко улыбнулась.

– Так вот, прелестный юноша, – она уставилась на Стаса заблестевшими глазами, – вы пали жертвой самой примитивной манипуляции. Владимир Ильич сказал буквально следующее: «Пока народ неграмотен, из всех искусств для нас важнейшим является кино». Разницу ощущаете? Речь шла только о том, что пока есть люди, которые не умеют читать и писать, доносить до них высокие идеи можно и нужно при помощи кинематографа. Но эти времена давно миновали, в нашей стране всеобщая грамотность, так почему кино нужно считать важнейшим из искусств? Не литературу, не театр, не музыку или живопись, а именно кино? Хитрые и ловкие люди выдернули кусок фразы из контекста и выдают за великую истину, а вы все повторяете, как выдрессированные попугаи. Первоисточники надо читать, прелестное дитя, а не плакаты цитировать.

– Ну, так во всех учебниках написано, – начал оправдываться кто-то из гостей. – А вы откуда знаете, что Ленин именно так говорил? Где это написано? Вы своими глазами видели? Сами читали?

Алла молча налила еще рюмку коньяку и снова выпила залпом. Глаза ее быстро утрачивали блеск, и Таня поняла, что эта последняя рюмка было явно лишней: актрису «потащило».

– А это все и еще много другого интересного мне рассказал мой любимый муж, который вращается в кругах диссидентов, – ответила Горлицына. Дикция утрачивала внятность и четкость с каждым словом, и Татьяна с ужасом представила себе, что будет дальше. – Знаете, кто такие диссиденты? Это такие плохие ребята, которые ничему не верят и все подвергают

сомнению. Нет, они власть не критикуют, ни в коем случае, они просто сом-не-ва-ют-ся. И все перепроверяют. Вот и мой муж такой же. Тот самый муж, который вчера объявил мне, что разводится со мной. То есть он меня бросил, если вам так понятнее. И знаете, почему он меня бросил? Ради кого?

– Алла Михайловна, – с угрозой в голосе проговорил сидящий рядом с ней Борис. – Не нужно.

– Да нет уж, я скажу, пусть все знают.

– Алла Михайловна!

– А мне нечего стыдиться! Мой муж меня бросил, потому что у него роман с Люсенькой.

Ну, что вы на меня так смотрите?

Актриса обвела присутствующих помутневшим взглядом.

– А-а, я догадалась! – Она пьяно рассмеялась. – Вы же не знаете, кто такая Люсенька! Потому что это только для меня она Люсенька, а для всех вас она – Людмила Анатольевна Орлова, мамочка вашего друга Бореньки.

– Ни фиги себе! – выдохнул Стас и посмотрел на Бориса: – Что, правда, что ли?

– Стас, ну хоть ты не начинай, а? – попросил Борис. – Алла Михайловна, вам надо поесть. Давайте я вам положу...

Он принялся накладывать в ее тарелку мясо, гарнир и салаты в надежде на то, что еда отвлечет нетрезвую гостью и заодно ослабит действие алкоголя. Наклонившись к Алле, он медленно и четко прошептал ей в самое ухо:

– Возьмите себя в руки, иначе мне придется всем сказать, что вы любовница моего отца. Вы не имеет никакого права устраивать здесь сцены. Среди нас нет ни одного человека, который был бы перед вами виноват. И еще, пожалуйста, как следует, а то вас совсем развезет.

Из глаз Горлицыной полились слезы, оставляя на щеках новые потеки туши взамен недавно смытых в ванной.

– Прости, – всхлинула она, – я не хотела... Просто мне так страшно... Так больно... Так одиноко... Мне ведь даже поделиться не с кем... Андрюшу главным режиссером назначили, квартиру дали, нас все ненавидят, нам все завидуют... Если я начну делиться своим горем, они будут только счастливы... И еще глупость эта про то, что я любовница Саши... Андрюша тоже вчера это говорил... Глупость какая... Глупость...

Она заплакала, на этот раз тихо и горько. Над столом повисла напряженная и неловкая тишина. Татьяна обвела глазами гостей, поймала внимательный и заинтересованный взгляд Стаса, устремленный на Аллу. Остальные старались не смотреть на плачущую женщину. «Ну, вот и все, – огорченно подумала Таня. – Веселью конец. Надо же, чтобы так случилось: пришла Алла и все испортила! А такая хорошая была вечеринка...»

– Ленусик, – обратилась она к подруге, – помоги, пожалуйста, убрать посуду, будем чай накрывать.

Верная подруга Леночка тут же уловила желание Татьяны переломить царившее в комнате настроение опасливого уныния и с готовностью подхватила:

– А что у нас к чаю? Тортики-пироженьки? Или печенье-конфетки? Народ! Пока Танюха не огласила десертное меню, принимаю ставки! Заключайте пари! Кто за то, что нам подадут торт? А кто за пирожные?

Примолкшие гости сразу оживились, начали заключать пари, называя ставки: рубль, рубль пятьдесят, два рубля... Татьяна с подругой быстро очистили стол от грязных тарелок и остатков еды и сменили скатерть. Когда на кухне выкладывали на блюдо и резали на порционные куски торт, Лена спросила:

– Слушай, а эта актриса – она что, в самом деле любовница Борькиного папаши?

Татьяна пожала плечами. До последнего часа она была в этом уверена, ведь так сказал Борис. Но сейчас ее почему-то одолели сомнения.

– Не знаю, Ленусь, я свечку не держала. Но Борька говорил...

– А он что, держал? – фыркнула Леночка. – Получается, Борькина мамаша связалась с мужем, а папаша – с женой? Чего ж эта Алла так убивается, если у самой рыльце в пушку? Нет, Танюха, помяни мое слово, нет между ними ничего. Не родилась еще баба, которая придет к сыну своего любовника жаловаться, что ее законный муж бросил. Так не бывает.

– Вот и мне кажется, что не бывает, – согласилась Таня, облизнув нож, к лезвию которого пристал крем с торта. – Просто Александр Иванович очень хорошо относится к Алле, как старший товарищ, что ли... Заботится о ней, переживает, когда у нее проблемы, с сыном ей помогает. Они же дружили семьями – Алла с мужем и Борькины предки. И почему нельзя хорошо относиться к человеку противоположного пола, чтобы кругом не начали тут же в любовники записывать? Ну что, понесли?

Она подхватила блюдо с тортом, Леночка взяла поднос с чайной посудой, и девушки вернулись в комнату.

За время их отсутствия обстановка изменилась довольно заметно: все расслабились, верхний свет притушен, горит только торшер, две пары переминаются в медленном танце. Одна из этих пар – Алла Горлицына и Стас. Сердце у Татьяны тревожно екнуло, первым же порывом было зажечь люстру и каким-нибудь громким заявлением переключить внимание на себя, чтобы разрушить интимность, явно возникающую между кавалером подруги и незваной гостьей. Но уже через пару секунд, пока девушка ставила блюдо на стол, пришла отрезвляющая мысль: «Не лезь не в свое дело; если Леночке это не нравится, она или сама что-нибудь предпримет, или пожалуется тебе и попросит помочь, вот тогда и выступай со своими благими намерениями; может быть, между Аллой и Стасом нет никакой интимности, тебе просто показалось, ну, танцуют люди, что в этом плохого? А ты сейчас влезешь и будешь выглядеть смешно».

Она попыталась поймать взгляд Бориса, чтобы по его выражению понять, права она или ошибается, но жених был увлечен беседой с другим гостем. По обрывкам доносившихся слов Таня догадалась, что речь идет о выдворении сотрудников советского посольства из Франции в связи с обвинением их в шпионаже.

Татьяна Потапова очень старалась как-то выправить ситуацию, ведь ей так нравилось чувствовать себя гостеприимной хозяйкой, и сегодняшнее мероприятие было последним: через два дня вернется Александр Иванович, а когда удастся получить отдельное жилье – неизвестно. Но через некоторое время ей пришлось признаться самой себе, что вечер загублен окончательно. Стас буквально прилип к Алле, которая с каждой минутой становилась все трезвее, Леночка мрачнела на глазах, остальные видели и понимали, что происходит, им было неловко и неуютно и хотелось поскорее уйти.

Алла от торта отказалась, выпила три чашки очень крепкого чаю и окончательно пришла в себя. Теперь она выглядела такой же красивой, как и раньше, и слова произносила хорошо поставленным голосом и с безупречной дикцией.

– Спасибо вам, Борис и Татьяна, – с чувством и очень выразительно произнесла Алла. – Вы меня спасли, дали возможность сделать глубокий вдох, удержали на краю бездны. Спасибо, что не выгнали. И вам всем, – она одарила улыбкой каждого из гостей, – огромное спасибо за то, что приняли в свой круг и не дали пойти на дно. До свидания!

Она вышла в прихожую, следом за ней вышел Борис, чтобы подать пальто. Неожиданно с места сорвался Стас.

– Алла Михайловна, я вас провожу!

Татьяна, только что испытывавшая огромное облегчение оттого, что Алла наконец уходит, обмерла от ужаса. Бедная Ленка! И за что ей такое унижение?

– Ну что вы, – донесся из прихожей голос актрисы, – не нужно, я прекрасно доберусь сама.

– Уже очень поздно, – настаивал Стас, – вы не должны...

Окончания разговора Таня не услышала: Лена пулей выскочила из комнаты, и пришлось бежать за ней в ванную, где девушка отчаянно разрыдалась. Хлопнула входная дверь. Таня сидела рядом с подругой на краю ванны. Леночка уткнула лицо в Танино плечо, и та чувствовала, как коже становится мокро и горячо от слез, намочивших тонкий трикотаж водолазки. Обнимая обиженную Леночку и поглаживая ее по спине, Татьяна Потапова с грустью думала о том, что праздник не удался.

– *Ma la vita non finisce qui*, – вполголоса пробормотала Татьяна. – Но жизнь на этом не заканчивается...

– Ты ничего не понимаешь! – отчаянно выкрикнула Лена. – Ты не понимаешь, как мне больно! У тебя самой все в порядке, замуж выходишь! А я... Вот так, на глазах у всех... Уйти с этой...

Тане очень хотелось проявить сочувствие и понимание, и она открыла было рот, чтобы неодобрительно высказаться в адрес Аллы Горлицыной, но привычно остановила себя и сделала глубокий вдох. А правильно ли это? Правильно ли поддерживать Ленку в этих мыслях и чувствах? Да, подруга ждет именно поддержки и понимания, но надо ли в данном случае идти ей навстречу?

Рассудительность Татьяны Потаповой подсказала ей простой аргумент, совершенно очевидный для нее, выросшей рядом с мамой-следователем и собирающейся замуж тоже за следователя:

– Ленусь, Стас поступил как нормальный милиционер. Отпускать поздно ночью на улицу хорошо одетую пьяную тетку – это большой риск того, что завтра придется разбираться с ее ограблением, изнасилованием или, не дай бог, с трупом. Кому это надо? Вот поверь мне, ничего между ними сегодня не случится, Алла Михайловна живет в общежитии, в маленькой комнатке, с сыном и мужем...

– Она сказала, что муж ее бросил, – упрямо возразила Лена.

– Но сын-то остался. А он уже большой парень, школу в этом году заканчивает. Так что к себе Алла никого привести не может. Стас, насколько мне известно, тоже живет с родителями. Куда им деваться? Проводит Стас ее до общаги и распрощается, а завтра позвонит тебе с самого утра как ни в чем не бывало, вот увидишь.

Лена подняла голову и посмотрела на Татьяну недоверчивым взглядом из-под припухших от слез век.

– А с чего это Стасу так беспокоиться о ней? Ну и пусть бы ее ограбили, пусть бы даже и убили, ему-то что?

– Да ему-то ничего, – уверенно ответила Таня, – ему по барабану. Но Борькин отец серьезно болен, ему ни в коем случае нельзя волноваться. А представь, что будет, если он в понедельник вернется из санатория и узнает, что с Аллой что-то случилось. Вторым инфарктом обеспечен. Они же очень близкие друзья, Александр Иванович за нее переживает. Даже не знаю, как сказать ему, что Аллу муж бросил. И скрывать нельзя, все равно ведь узнает, и говорить страшно. Так что спасибо Стасу, что он подумал и о Борькином отце, и о нас.

– Ага, – всхлипнула Лена, – и об Алле этой подумал. Только обо мне никто не подумал. Я всегда у него на последнем месте.

Татьяна вздохнула, обняла подругу крепче.

– Ленусь, просто это такие люди. Вот поверь мне, у следователей и оперов семья и близкие никогда не бывают на первом месте. Иначе они просто не смогут работать.

– Значит, ты еще замуж не вышла, а уже знаешь, что не будешь для Борьки на первом месте? – не поверила Лена.

– Конечно, знаю, – улыбнулась Татьяна.

– И зачем тебе такой муж?

- Лен, ну я же выхожу замуж не для того, чтобы быть для кого-то на первом месте.
- А для чего тогда?

Удивление Леночки было совершенно искренним. Она действительно не понимала, полагая, что сама она – бесценный подарок, который вручают прекрасному принцу с одной-единственной целью: чтобы он этот подарок поставил на постамент, сдувал с него пылинки и целыми днями восхищался. Такую позицию Таня, не привыкшая считать себя «подарком», никогда не разделяла, но любила свою подругу и ценила в ней множество других качеств.

– Хочу быть рядом с Борькой и вырастить вместе с ним наших детей, – ответила она. – Я много лет была дочерью следователя, хорошо помню, как мало мама бывала дома, а когда и бывала, то думала в основном о работе, так что ни на что особо не надеюсь. Но я привыкла к такой жизни, приспособилась к ней, и меня все устраивает.

– Все равно не понимаю. – Леночка окончательно перестала плакать и сердито помотала головой. – Какой смысл выходить замуж за парня, которого вечно нет дома. Он тебе и с детьми помогать не будет, а ты же хочешь, чтобы вы их вместе вырастили. Будешь все время одна, как мать-одиночка.

Ну как ей объяснить, что вместе – это не обязательно взявшись за руки идти в ногу. Вместе можно быть и на расстоянии. Вместе можно быть, даже не встречаясь неделями и месяцами. Татьяна Потапова была уверена в собственной правоте, но доказывать свои идеи Леночке почему-то не хотелось.

Она поднялась и потянула подругу за собой.

– Пойдем, Ленусик.

* * *

Ее привязывала к нему сильная физическая страсть, горестная, как запой.

Из защитительной речи С. А. Андреевского на судебном процессе по делу Мироновича

Наша любовь – это какая-то адская смесь острой водки и святой воды.

Из защитительной речи С. А. Андреевского на судебном процессе по делу Иванова

- Что будем делать с Аллой? – спросила Татьяна, вытягиваясь в постели рядом с Борисом.
- А что с ней нужно делать? – не понял тот. – Стас...
- Да при чем тут Стас? Я про Александра Ивановича думаю. Слушай, Алла что, пьющая?
- Вроде не замечал. И предки никогда об этом не говорили.
- Беда... – Таня помолчала. – Вот представь: Александр Иванович вернется, а Алла в запое. Надо что-то предпринимать, чтобы оградить его.
- И что ты предлагаешь? Телефон отключить? Дверь не открывать?
- Ну, Борь, я серьезно. Может, нам поговорить с Аллой?
- О чем? Что пить – нехорошо?
- О том, что Александра Ивановича нельзя волновать.
- Ты думаешь, она сама этого не понимает? – усмехнулся Борис. – Но для нее сейчас уход Хвыли – самое главное, и папино здоровье ее интересует меньше всего. И кто мы с тобой для нее? Дети, зеленые соплики. Она нас не услышит, даже если мы будем изрекать великие истины.

– Да перестань! Ты же следователь, людей в тюрьму отправляешь, и многие из них старше тебя. Какой же ты сопляк? И мы совсем не дети, между прочим, мы взрослые самостоятельные люди.

– Мы-то – да, и мы это знаем. А вон они не знают и считают нас детьми. Танюха, заканчивай уже бороться с ветряными мельницами, предков и все их поколение нам все равно не переделать, они так и будут до самой нашей старости нам на мозги капать.

Татьяна чуть приподнялась на подушке, оперлась на нее локтем и насмешливо посмотрела на жениха.

– И ты готов смириться? А как насчет того, чтобы побороться за свое право считаться взрослым и принимать решения?

– На работе я их и так каждый день пачками принимаю, – вздохнул Борис. – А ни за что другое я бороться не собираюсь, потому что давно принял как истину: есть вещи, которых я действительно не понимаю. Я эту мысль интериоризировал.

– Ты... Что сделал? – не поняла Таня.

– Ин-те-ри-о-ри-зи-ро-вал, – по слогам повторил Борис. – Принял внутрь себя и осознал как свою собственную.

– Слово какое-то... Где ты его выкопал?

– В учебнике по криминологии, американском, его у нас в переводе издавали, я и прочитал.

«Ты молодой еще, тебе не понять...» Как часто слышал следователь Орлов эти слова от тех, кого допрашивал! Сначала подобные высказывания возмущали, просто до бешенства: он окончил университет, имеет какой-никакой опыт работы, за плечами немало раскрытых преступлений и доведенных до суда уголовных дел, так почему это он не может чего-то там понять? Ему казалось, что нормально устроенный и не отягощенный болезнями мозг в состоянии понять все, что угодно.

В этой уверенности Борис пребывал ровно до того дня, когда выехал по дежурству на очередную «бытовуху»: муж напился, скандалил и бил жену. Милицию вызвали соседи. Случай был обыкновенным, без таких вызовов не обходилось ни одно дежурство. Участковый уже топтался возле подъезда, ожидая дежурную группу.

– Петренко опять нажрался в хлам, жену бьет, известное дело, – уныло проговорил участковый. – А она его выгораживает и заяву писать отказывается. За последние пару лет раз пять уже такое было. Один раз даже удалось уговорить ее заявить на мужа, так на следующий день прибежала и рыдала, мол, отдайте заявление обратно, не сажайте, пожалейте.

– А чего ж не привлекаете? Неужели нельзя надавить на нее, чтобы заявление подала и не забирала потом?

Вопрос был риторическим, Борис и сам это понимал. Слова «попугайте только, а сажать не надо» он слышал от избитых жен как минимум раз в неделю. Все как всегда.

– Да бабу жалко, хорошая она. А Петренко этот – козел редкостный, он же ее убьет, если мы его закроем. По побоям срок-то крошечный, мухой пролетит, вот Петренко и заявится обратно к жене. А могут и не закрыть, условно дать, с работы ходатайство напишут, на поруки возьмут. Страшно даже представить, что он с женой сделает. Она потому и не вызывает нас никогда, это уж только когда соседи крики услышат и испугаются – нам звонят.

Такой разговор тоже был обычным: милицию вызывали на домашний дебош с единственной целью – утихомирить буяна хоть на пару часов. О том, чтобы привлечь его к ответственности и наказать, жены драчунов, как правило, и не помышляли. Поднимаясь по лестнице, следователь Орлов готовился увидеть привычную картину: дым коромыслом, пьяный мужик, расхристанный и распоясавшийся, плачущая жена в халате, под глазом фингал, на скуле ссадина, руки в синяках, вонь перегара, табачного дыма, немытой посуды и остатков еды в консервных банках, забившиеся в угол или под стол малыши. Ему казалось, что в таких ситуациях

он все давно понял: страх. Страх перед тем, что будет «потом», удерживал этих несчастных женщин от того, чтобы позволить довести дело до суда и посадить муженька. Этот страх был Борису очевиден и понятен. Но здесь...

Из-за двери квартиры криков не слышалось, только тихий протяжный вой, тоненький и подрагивающий, и негромкий мужской голос. Можно было бы даже подумать, что жильцы просто смотрят какое-то кино по телевизору. На звонок дверь открыл сам хозяин – мужчина лет под сорок, гладко выбритый, одетый в джинсы и легкую светлую сорочку с короткими рукавами.

– Что нужно? – довольно неприветливо спросил он.

Да, запах спиртного был, и довольно сильный, но сам мужчина никак не производил впечатления «пьяного в хлам», как можно было бы ожидать, если верить участковому.

– Жалуются на вас, гражданин Петренко, – миролюбиво начал участковый. – Кричите громко, соседям мешаете. Непорядочек.

Глаза мужчины злобно блеснули, он непроизвольно повернул голову в сторону двери квартиры справа, видно, хорошо знал, кто именно из соседей мог вызвать наряд.

– У нас тихо, – ответил хозяин квартиры с деланным спокойствием, – сами слышите. Никто не кричит. За ложный вызов штрафовать надо, а не мешать нормальным людям отдыхать.

Стоя за спиной участкового, Борис быстро окинул взглядом прихожую: маленькая, тесная, но очень чисто и идеальный порядок. Обувь под вешалкой стоит аккуратно, в рядок, никаких грязных следов на полу. Да, на жилище запойных алкоголиков не очень-то похоже...

– С гражданкой Петренко можно поговорить? – продолжал участковый.

– Зачем?

– А это нам лучше знать, зачем. Давайте-ка зовите супругу сюда, хотим ей пару вопросов задать.

– Она отдыхает, спать легла.

В дело вмешался один из выехавших оперативников, отстранив участкового, загораживавшего собой вход в квартиру.

– Ладно, Петренко, хватит, поговорили уже, пора делом заняться, – почти весело проговорил он. – Зови жену сюда, или мы сами в комнату пройдем. Соседи слышали крики из вашей квартиры, мы должны убедиться, что со всеми жильцами все в порядке. Ну чего ты стоишь, как пень? Не в первый раз уже наряд в ваш адрес вызывают, должен был запомнить, что мы все равно не уедем, пока с женой твоей не поговорим.

Хозяин повернулся к закрытой двери, ведущей в комнату, и крикнул:

– Юлия, выйди к нам, пожалуйста.

За свою недолгую жизнь Борис Орлов никогда не встречал таких красивых женщин. Видеть – видел, на киноэкранах и в журналах, а вот живьем... В Юлии Петренко было прекрасно все: струящиеся по плечам и спине длинные шелковистые волосы, высокая крепкая грудь, стройная фигура. Все, кроме разбитого окровавленного лица.

– Извините, – запинаясь произнесла она, пряча глаза и затравленно опустив плечи, – это случайно получилось... Я выпила, мы с мужем праздновали, у нас сегодня годовщина свадьбы... Выпила, наверное, многовато, не рассчитала, потеряла равновесие, упала вот... Лицо разбила... Наверное, я кричала, потому что было очень больно, вот соседи и услышали... Извините, мы не хотели никого беспокоить... Мне очень жаль, что так вышло...

Участковый сделал шаг в ее сторону и выразительно повел носом.

– Свежак, – вынес он свой вердикт, – двух минут не прошло, как выпила. А у муженька запахок постарше, часа полтора-два будет. Ну что, гражданин Петренко, будем протокольник составлять? Пришел с работы, выпил как следует, от души, избил жену, а когда милиция приехала, велел ей быстренько хлопнуть стакан и сказать, что сама упала спьяну. Так все было, а, Петренко?

– Я сама... – начала было Юля, но Орлов быстро и крепко взял ее за предплечье и потянул за собой в комнату.

Закрыв дверь, усадил женщину на диван, сам присел напротив, пододвинув себе стул. Попутно отметил, что комната тоже очень чистая и аккуратная, на стенах много полок с книгами, мебель хорошая. Как-то странно это все...

– Юля, почему? – спросил он. – Я не спрашиваю, почему он вас бьет. Я спрашиваю: почему вы это терпите? Почему не позволяете его привлечь? Это ведь не в первый раз уже, правда?

– Я сама, – с тупой покорностью повторила она. – Вадик ни в чем не виноват. Я сама напилась и упала.

Борис видел, что выпитое за несколько минут до этого спиртное начало оказывать свое действие, еще чуть-чуть – и женщина перестанет сопротивляться и врать. Правда, что бы она сейчас ни сказала, уже завтра она сможет оспорить протокол, заявив, что была сильно пьяна и сама не понимала, что говорила. Да, ее муж-садист был далеко не глуп.

– Сколько лет вы женаты?

– Семь.

– И у вас сегодня действительно годовщина свадьбы?

Юлия отрицательно помотала головой.

– Значит, это муж попросил вас солгать? Чтобы мы решили не портить вам праздник и побыстрее отстали?

Она молча кивнула.

– Юля, вы хоть понимаете, что в следующий раз он может вас просто убить? Почему он вас избил сегодня? Вы поссорились? Из-за чего?

– Мы не ссорились, – выдавила она распухшими губами, из которых сочилась кровь.

Кровь молодая женщина вытирала бумажной салфеткой, зажатой в руке.

– Вадик пришел с работы... в плохом настроении... и начал придирается ко всему... Он всегда придирается, когда настроение плохое. Выпил... Я пыталась как-то... отвлечь, успокоить, а он пил и еще больше сердился... У него это бывает... Иногда... Он очень хороший, очень, он самый лучший на свете... просто вот так... получается... иногда...

– У вас дети есть? – спросил Орлов.

– Есть, дочка, пять лет.

– Где она?

– В садике, она на пятидневке, мы ее по пятницам только забираем.

– А почему на пятидневке? Я смотрю, вы не до ночи работаете, вечера дома проводите, чего же ребенка не берете?

Юлия молчала, из глаз катились слезы, и женщина непроизвольно морщилась от боли, когда слезинки попадали на свежие ссадины.

– Хотите, я вам скажу, почему у вас ребенок на пятидневке? – продолжал Борис. – Потому что припадки ярости случаются с вашим мужем не иногда, как вы меня пытаетесь уверить, а регулярно, по несколько раз в неделю, и вы сами никогда не можете заранее предугадать, как пройдет вечер. Он бьет вас постоянно, и вы пытаетесь хотя бы ребенка уберечь. Готов держать пари, что на выходные к вам приезжает ваша мама или вы дочку отвозите к ней. Вы боитесь за своего ребенка, Юля, и это правильно. Но я не могу понять, почему вы не боитесь за себя? Если муж вас не просто побьет, как сегодня, а искалечит, то его посадят уже независимо от вашего желания. Это только с побоями ваши фокусы проходят, а с тяжкими телесными повреждениями или, не дай бог, убийством так не получится. Его посадят, причем надолго. Что будет с вашей дочкой? Вы об этом подумали? Зачем вы подвергаете ни в чем не повинного ребенка риску страшной психологической травмы и сиротства?

Женщина по-прежнему молчала. Борис достал из планшета бланк и ручку.

– Давайте сделаем все по уму, вы напишете заявление и дадите показания, а я вам обещаю, что посажу вашего Вадика. Крепко и надолго. Найдем свидетелей, докажем, что это были не однократные побои, а систематические истязания.

– Я не могу, – пробормотала Юля.

– Почему? Ну почему? Вам не жаль себя и дочку?

– Я не могу его посадить.

– Почему? – терпеливо повторил Борис.

– Я люблю его. Я его так люблю, что... Я дышать не смогу без него. Я умру, если его не будет рядом.

– Юля, ваш муж – садист и психопат, неужели вы сами не понимаете этого?

– Я знаю. Но для меня он лучше всех на свете. Я его люблю. Пожалуйста, не забирайте его у меня, я не выживу...

Дело частного обвинения, так записано в законе. Без добровольного желания потерпевшего возбудить уголовное преследование нельзя. И по просьбе потерпевшего уже возбужденное дело все равно подлежит прекращению.

Когда-то в школьные годы родители водили Бориса на спектакль «Валентин и Валентина», где один из персонажей произносит что-то вроде: «Растишь дочь, воспитываешь, а она потом приходит и заявляет: «Мама, он вор и убийца, но я его люблю». Фраза эта накрепко засела в памяти и всегда вызывала у Бори Орлова смех. И вот теперь он слышал почти то же самое: Вадим Петренко – садист и психопат, но я его люблю. Только в этот раз почему-то Борису совсем не смешно.

Следователю Орлову тогда так и не удалось уговорить Юлию написать заявление. На все его доводы она отвечала только одно:

– Вы не понимаете. Я очень люблю Вадика. Вы не понимаете...

И Борису пришлось признаться самому себе, что он действительно не понимает. Выходит, есть вещи, не подвластные уразумению, даже если у тебя высшее образование и какой-никакой опыт работы в следствии. Разумеется, это не означало, что старший лейтенант Борис Орлов не считал себя взрослым и самостоятельным. Но мысль о том, что он может чего-то не понимать в человеческих отношениях и вообще в людях, он принял искренне и безоговорочно.

* * *

Субботнее утро началось, как почти всегда в выходные дни за последний месяц, неспешными разговорами о предстоящей свадьбе. Борис и Таня долго валялись в постели и ленивыми сонными голосами снова и снова обсуждали список гостей, распорядок торжественного дня, и успеет ли портниха дошить платье, и не подведет ли парикмахер, и нужно ли устраивать «второй день» дома или достаточно только свадебного ужина в ресторане...

– Кстати, о свадьбе, – оживился Борис. – Мы же все равно поженимся через десять дней. Таня непонимающе уставилась на него.

– Ну да, мы поженимся. Я только не поняла, что означает это твое «все равно».

– Оно означает, что раз мы все равно поженимся, то, может, хватит уже предохраняться?

– Нет, – твердо ответила девушка, – не хватит. Мало ли что случится...

– Что, например? Пол провалится? Или небо рухнет? – насмешливо осведомился Борис. – Что вообще может случиться за десять дней?

– Ты можешь влюбиться и бросить меня, – ответила Татьяна. – Я могу влюбиться и бросить тебя. Я могу попасть под машину. Да мало ли...

Борис от души расхохотался.

– Вот так вот взять и влюбиться невесту в кого? За четыре года не влюбился, а накануне свадьбы бес попутал? Танька, не смей меня!

– Боречка, твои родители тридцать лет прожили душа в душу, а потом – раз! – и все прахом пошло. Александр Иванович влюбился в Аллу, а Людмила Анатольевна – в режиссера. Не забывай: жизнь полна неожиданностей.

На это Борису возразить было нечего, и он плавно перевел разговор на другую тему, близкую по смыслу, но все-таки другую.

– Интересно, на кого будет похож наш ребенок, – мечтательно проговорил он.

– Зависит от того, мальчик или девочка. По закону подлости мальчики бывают похожи на более красивого из родителей, а девочки – на менее красивого, – улыбнулась Таня, потягиваясь.

– А если он будет похож не на нас с тобой, а на кого-то из бабушек-дедушек?

– Тогда можно ни о чем не беспокоиться. Мама у нас с тобой красавицы, отцы тоже вполне себе ничего. Хотя генетика такая штука... – она задумчиво вздохнула, – там ничего предсказать нельзя, могут вылезти признаки внешности какого-нибудь далекого предка. В обозримом прошлом у меня в родне только русские и евреи, а у тебя? Мне кажется, у Александра Ивановича есть кавказская кровь.

– С чего ты взяла? – удивился Борис.

– Ну, у него внешность не совсем славянская... Представляешь, рожу тебе девочку с внешностью грузинки или армянки!

– Да брось ты! Хотя ты права, конечно, папу довольно часто принимали за еврея, но – нет, там дворянские корни, я тебе рассказывал. Другое дело, что чисто русской крови в дворянах было мало, они же все время роднились то с немцами, то с голландцами, то с поляками, то с французами. Там вообще гремучая смесь получалась. Кавказский вариант я, конечно, тоже не исключаю, про грузинских князей мы все слышали. Но папа никогда не рассказывал о том, что в их роду были такие фигуры. Хотя... – Борис махнул рукой, – папе, по-моему, это вообще все мало интересно. Он не любит вспоминать о том, что его мама, то есть моя бабушка, урожденная графиня Раевская.

– Почему не любит вспоминать? Разве в этом есть что-то постыдное?

– После революции дворянское происхождение могло сильно навредить. Считалось, что бывшие дворяне ненавидят советскую власть и с готовностью становятся шпионами и диверсантами. Время было такое... И потом, во время войны уже, солдатам и офицерам непролетарского происхождения не очень-то доверяли, подозревали во всех грехах вплоть до желания перейти на сторону врага. Когда я был маленьким, к нам часто приходили папины однополчане. Мы в коммуналке жили, комната всего одна, девать меня некуда, так что я всякого понаслушался. Особенно про СМЕРШ. Ну так что, будущая моя законная супруга Татьяна Потапова-Орлова, встаем и разгребаем вчерашние завалы или экспериментируем с внешностью ребенка?

Татьяна приподняла голову, чтобы посмотреть на будильник, и обреченно вздохнула.

– Надо вставать. И у нас остался один нерешенный вопрос. Что делать с Аллой? Я понимаю, что у нее с Александром Ивановичем, может быть, и вправду любовь-морковь и все такое, и не надо бы нам лезть в их дела, но, Боречка, я в самом деле боюсь за его здоровье. В конце концов, у нас свадьба! А вдруг с Александром Ивановичем что? Какая свадьба может быть, если отец жениха в реанимации. Хотя бы об этом подумай. И насчет экспериментов тоже подумай: твои родители собираются разменивать квартиру, сколько времени это займет – никто не знает, Александр Иванович нездоров, моя мама пока без работы, а тут – здрасте! Я беременная, а потом с малышом. На меня и так ваши соседи косо смотрят, до свадьбы переезжать в семью жениха считается неприличным, так не принято.

– И что? – не понял Борис. – Какая связь-то? Наоборот, папе радость, отвлечется от переживаний. Он детей очень любит и внуков хочет.

– Деньги, Боря, – очень серьезно ответила Татьяна. – Их на размен и переезд потребуется очень много, сможет ли моя мама помочь – неизвестно. А ребенок потребует больших затрат. Так что с экспериментами давай подождем, ладно?

– Ладно, – неохотно согласился Борис.

В глубине души он, конечно, понимал, что Таня права. И насчет ребенка права, и насчет того, что отца надо как-то обезопасить, уберечь от волнений, связанных с Аллой. Но как? Отец отрицает, что у него с Аллой роман. Борис сперва не очень-то верил, но потом, когда Александр Иванович лежал в больнице и долечивался в санатории, стал склоняться к тому, что отец говорит правду. Из разговоров с медперсоналом Борис точно знал, что Алла за все эти полтора месяца навестила отца только один раз. Разве настоящие любовницы так поступают? Может, она и отец – действительно всего лишь друзья, близкие друзья? Хотя... И друзья тоже так не поступают. Правда, Алла занималась новой квартирой, ей не до Орлова было, отец сам говорил, что просил ее не приезжать. Черт их разберет, этих престарелых любовников! Что мама, что отец – оба хороши.

Мама... Вот единственная надежда на то, что отца удастся оградить от лишних переживаний. Ей, конечно, тоже будет непросто, но в любом случае она знает отца так давно, что наверняка найдет нужные и правильные слова. А если Борис с Таней полезут объясняться с Аллой, то вообще неизвестно, что из этого выйдет.

* * *

Возвращаясь из санатория, Орлов отчего-то нервничал: ему казалось, что сейчас начнется какая-то новая жизнь, совсем другая, не похожая на ту, которая была прежде. Людмила Анатольевна приехала за ним на машине и всю дорогу старалась аккуратно ввести его в новые обстоятельства.

– Не трогай Аллу хотя бы пару недель, ей сейчас очень тяжело, но в таком состоянии ей больше нужны женщины, подруги, которым можно пожаловаться на мужа. С тобой ей будет трудно. Пойми это, Саня. Я понимаю твои чувства, но...

– Да о каких чувствах ты говоришь! – с досадой перебил ее Орлов. – Мы с тобой дружили с Аллой, она нам не чужая, никаких других чувств у меня к ней нет и не было никогда. Я прошу тебя, Люся, перестань повторять эти немыслимые глупости.

Людмила Анатольевна бросила на него быстрый взгляд, чуть усмехнулась и снова стала смотреть на дорогу.

– Отвлекись от семейного разлада Аллы, – сказала она чуть погодя. – Я догадываюсь, что ее новые обстоятельства дают тебе основания надеяться на перемены и в твоей собственной жизни, но нам нужно заниматься подготовкой к свадьбе.

Александр Иванович понимал, какие смыслы стоят за каждым сказанным Люсей словом. Алла теперь свободна, и осталось лишь оформить два развода, чтобы Орлов мог соединиться со своей возлюбленной. Так думали все: и Люся, и Борис с Татьяной, и, вероятно, сам Хвыля. И бог знает кто еще. И с этим ничего невозможно было поделать.

– Да, – согласно кивнул Орлов, – к свадьбе и потом к решению жилищного вопроса. Так что без разговоров о семейном разладе Аллы все равно не получится. Когда они разведутся? Когда Андрей разменяет свою квартиру? Ты говорила с ним о вариантах?

– Нет, – спокойно ответила Люся. – Не говорила и говорить не собираюсь.

Александр Иванович помолчал. Ответ Люси прозвучал неожиданно, и в нем Орлов услышал намек на слабую надежду. Получается, у Люси и Хвыли все не так гладко и сладко, как ему думалось?

– Люсенька, я ни на чем не настаиваю, – мягко проговорил он. – Просто хочу понимать, чем мы располагаем для размена. Только тем, что есть у нас, или еще каким-то дополнительным ресурсом.

Люся свернула к обочине и остановила машину.

– Давай выйдем, подышим, – предложила она.

Орлов послушно вышел, вдохнул свежий, но с явственным привкусом выхлопных газов, апрельский воздух. Он слишком давно знал Люсю, чтобы не понять: она собирается затронуть какую-то очень важную и болезненную тему. Какую? Развод, это очевидно. Все три недели, проведенные в санатории, Александр Иванович гнал от себя робкие мысли о том, что разговора такого не будет никогда. Он не мог бы объяснить, почему так не хочет официально оформлять разрыв, который, по факту, все равно уже состоялся. Люся, его Люсенька сейчас стояла рядом с ним, такая уютная и привычная, в старой курточке и спортивных брюках, совсем не нарядная и очень домашняя, и смотрела на него внимательно и настороженно.

– Саша, я хотела попросить у тебя прощения, – тихо, но твердо сказала она. – Я причинила тебе боль, заставила страдать. Я очень виновата перед тобой.

«Ну, точно, – обреченно подумал Александр Иванович, – сейчас начнет говорить про развод. Зря я надеялся. Старый дурак».

– Ты ни разу за все эти месяцы не просил меня вернуться, – продолжала Людмила Анатольевна. – Это означает, что ты с уважением отнесся к моему выбору и не пытался на него повлиять. Я очень благодарна тебе за это.

– Ну что ты, Люсенька... Ты совершенно права: я был тебе плохим мужем и...

– Подожди. – Она поморщилась, словно от боли.

Отступила на шаг, провела растопыренными пальцами по волосам снизу вверх, словно расчесывала их. Глубоко вдохнула и снова устремила на Орлова немигающий взгляд.

– Саня, мне действительно очень трудно это говорить... Но я должна. Не хочу, чтобы между нами возникла еще одна неправда. Достаточно того, что я обманывала тебя три года.

Орлов похолодел. Что еще? Неужели недостаточно того, что и так уже случилось?

– Я совершила ошибку. Ужасную ошибку. Не знаю, какой бес в меня вселился, не знаю, что меня ослепило... Андрей ушел от Аллы. Но не ко мне и не из-за меня. Мы не вместе.

Александр Иванович ошарашенно посмотрел на нее.

– Как? Как это – не вместе? Я думал...

– Мы уже не вместе. Больше месяца. Мы продолжаем общаться, как старые добрые приятели, перезваниваемся, но... Все прошло, Саня. И сейчас, глядя на себя – ту, которая уходила от тебя, я не понимаю, кто это был. Неужели я? Мне трудно принять мысль, что я могла быть такой. Мне стыдно. И я не рассчитываю на то, что ты меня простишь. Я не заслуживаю прощения. Это к тому, чтобы ты понимал, каким ресурсом мы располагаем для размена жилплощади.

Он не верил своим ушам.

– Ты только поэтому мне сказала? Только из-за размена? Или?..

– Или, – спокойно ответила Люся. – Решение за тобой. Как ты скажешь, так и будет. Скажешь – подадим на развод.

– А если я скажу: «Возвращайся»?

Она слабо улыбнулась.

– Я вернусь. Я скучаю по тебе, Саня. Скучаю по Борьке. По нашему дому. По всей нашей жизни. Поверь мне: я искренне раскаиваюсь в том, что сделала.

Орлов обнял жену. Закрыв глаза и вдохнул запах. Запах был чужим, незнакомым.

– Новые духи? – спросил он, не открывая глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.